

Управдом

Автор:

Андрей Никонов

Управдом

Андрей Никонов

Попаданец (АСТ)

Двадцатые годы прошлого века. НЭП. Сергей Олегович Травин, агент угро, направлен на хозяйственную работу в провинциальный городок, который сотрясает череда разбойных нападений.

Как известно, оперов бывших не бывает, поэтому Травин оказывается в гуще событий...

Андрей Никонов

Управдом

Все имена и события в произведении вымышлены, любые совпадения с реальными людьми случайны.

© Андрей Никонов, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Глава 1

Март 1927 года

Рогожский уезд, Московская губерния

– Пошла вон! – тощий невысокий мужчина, в расшитой косоворотке, с редкими жирными волосами и с изрытым оспой лицом, вскочил, ударил по столу так, что тарелки подскочили. – Приживалка! Ты что вздумала, бездельничать?!

Девочка восьми лет в поношенной одежде стояла возле лестницы на второй этаж, опустив голову и сложив руки на животе.

– Ты посмотри на нее, – брызгая слюной, орал хозяин дома, – пригрели змею на груди. Ты понимаешь, дура, что продуктов на семь рублей испортила? Соли она не пожалела! Сама будешь это жрать вместе с очистками. Вон, ступай к себе, и чтобы я тебя не видел, мерзавка!

Девочка покорно пошла наверх, в свою каморку на чердаке – рядом с печной трубой в огороженном закутке было тепло, хозяин дома любил уют и топил часто, не жалея дров. Она не плакала – к такому обращению за те два года, что жила в семье дальней родственницы, девочка привыкла.

Родственница проводила девочку равнодушным взглядом – сводного брата, от которого осталась сирота, она почти не знала. По мнению женщины, противная девчонка должна была быть благодарна ей по гроб жизни за то, что у нее была крыша над головой, ежедневные объедки со стола и кое-какая одежда. Другие дети вообще жили на улице и хорошо если раз в неделю ели досыта в коминтерновской столовой.

Еда была не то что сильно пересолена, просто у мужчины выдался сегодня непростой день. Зато следующий обещал быть куда лучше, полученные с последней продажи мануфактуры триста червонцев практически довели до нужной черты ту сумму, которую он держал в уме. Советская власть, отдавшая частным дельцам на прокорм собственные ресурсы, в последнее время закручивала гайки, дела вести было все труднее и опаснее. С одной стороны, к жирному куску подбирались урки и жиганы, с другой – фининспектор и прокурор, и неизвестно, кто больше откусит.

В дверь постучали.

– Это кто еще? – недовольно проворчала женщина. – Опять твои дружки?

– Сейчас посмотрю... – Мужчина встал, прошел в сени, отворил тяжелую, обитую с обратной стороны железом дверь. И пятясь назад, вернулся в комнату.

– Ну что, Ефим, я слышал, ты сегодня в банке был, – гость был не один, вместе с ним в столовую вошли еще двое. – Все забрал, подчистую, как метлой прошелся. Сбежать решил, думал, мы не узнаем?

– Нет, что вы, даже в мыслях не было, вот те крест, – хозяин дома размахисто перекрестился, – долю вашу приберег и хотел еще в новую мануфактуру вложиться, все для дела, разве ж я могу чего замыслить.

Тем временем двое гостей подошли к женщине, та поднялась, недовольно глядя, и презрительно фыркнула. Один из прищельцев, недолго думая, заехал ей кулаком в живот, второй подхватил падающую хозяйку, заткнул ей рот грязной тряпкой и бросил на стул. Первый достал из сумки ремни, споро привязал женщину к стулу, ослабил.

– Готово, барин.

– Баре все в Париже, – главный неодобрительно покачал головой. – Ну что, Ефим, с кого начнем, с тебя или с нее? Бабу тебе свою не жалко?

Первый бандит хрюкнул, рванул на женщине платье, обнажая слегка отвисшую грудь.

– Делайте что хотите, не виноват я, – Ефим грохнулся на колени, попытался пустить слезу, та никак не хотела появляться, сколько ни моргал, а вот трясучка от страха тут как тут, аж судорогой тело свело. – Все до копейки отдам, только не в доме деньги, идти надо. Захоронка в надежном месте, чтоб от татей подальше.

Главный усмехнулся, посмотрел на подельников.

- Врет, – уверенно заявил второй.

Он подскочил к стоящему на коленях хозяину, заломил тому руки назад, связал, заткнул рот. И, выхватив из кармана нож, полоснул по уху.

Ефим взвыл. Теплая кровь тонким ручейком потекла к шее, оттуда под ворот рубахи, обильно ее промачивая красным. Отрезанное ухо перед глазами подействовало куда лучше слов. Он раскололся за несколько минут, мало того, сам с сопровождающим сходил в подвал, подволакивая ногу с раздробленными пальцами, помог дрожащими руками отодвинуть камень, за которым лежала сумка с бумажными червонцами. И там же показал еще два схрона, с царским золотом и камушками.

- Все на месте, – доложил первый бандит, пересчитав деньги, – все тридцать тысяч.

- Кончай его, – распорядился главный. – Только без этих твоих шалостей.

- Девчонка тут еще была, – напомнил второй. – Сиротку к себе взяли. Если здесь, может заложить.

Первый достал топор, проверил лезвие на пальце. Хозяин дома пытался что-то сказать, вымолить, но только мычал и дергался, пока ему не раскроили череп.

- Я погляжу, – главный кивнул, направился к лестнице. – Сам разберусь.

- А с этой что? – первый подручный кивнул на женщину. – Вроде ничего еще, а? Позволь развлечься.

- Делайте что хотите, – равнодушно сказал главарь, ставя ногу на ступеньку. – Только чтобы без шума, не хватало нам тут незваных гостей.

Он прошелся по второму этажу, заглядывая в комнаты – там тоже было немало добра, потом его подельники пройдутся, осмотрят пристальнее, доберут. И подошел к узкой лестнице на чердак.

Девочка с чердака слышала неясный шум. Сначала говорили тихо, потом тетя закричала, коротко и пронзительно, и тут же затихла. Через некоторое время завыл хозяин, так страшно, что аж пробирало до печенок. Девочка забилась в свой закуток, закуталась в рваное, сшитое из лоскутов одеяло, зажмурила глаза. И услышала, как кто-то прошелся по чердаку, скрипя половицами и заглядывая в каждый угол.

– Вот ты где, – услышала она голос. Глаза открывать не стала, съежилась, крохотная слезинка покатила по щеке. И вдруг почувствовала на голове руку, та погладила ее по волосам.

– Не бойся, я тебя не трону, – негромко сказал незванный гость. – Только сиди тихо, договорились? А вниз лучше не спускайся, тебе такое рано еще видеть, дождись, когда милиция появится.

И ушел.

Май 1927 года

Москва

К десяти часам вечера солнце уже практически не освещало московские улицы, а тусклые фонари, висящие на столбах, не давали достаточно света, так что автомобиль с погашенными фарами, подкативший к дому номер три в Большом Гнездниковском переулке, в котором располагалось Московское управление уголовного розыска, на фоне темного здания был практически незаметен. Чадающий дым, вылетающий из чихающего глушителя, заставил часового чихнуть, но быстро рассеялся – ветреная погода с дождями стояла уже второй день. Редкие прохожие на машину внимания почти не обращали, через десять лет после революции автомобилем москвичей удивить было трудно – по Москве вовсю уже катались четырехколесные экипажи, закупленные городом у французской компании «Рено», постепенно вытесняя извозчиков и распугивая их лошадой визгливыми звуками клаксонов.

Машина объехала здание и остановилась у неприметной двери, возле которой тоже стоял часовой. Со стороны водительского сиденья вылез молодой человек, высокий – если считать по декрету 1918 года в сантиметрах, рост его был 192

сантиметра, ну а если в старорежимных единицах – два аршина и одиннадцать с небольшим вершков, светловолосый, с серыми глазами и тяжелым подбородком. Крепкого телосложения, с широкими плечами, подтянутый, одетый в штатское, с охотничьим значком на лацкане кожаного пиджака, и в бриджи, заправленные в яловые сапоги. На шее висел шлем с большими очками, а на кожаном ремне – кобура с командирским наганом.

С заднего сиденья выпрыгнули еще двое, пониже ростом и без шикарных шлемов, тоже со значками, только уже комсомольскими, кое-как достали один деревянный ящик, поставили на землю, следом за ним появился второй, полегче.

Молодой человек отогнул лацкан, демонстрируя часовому треугольный значок с красной эмалевой окантовкой и личным номером, без натуги подхватил верхний ящик, двое его сопровождающих ухватили второй.

– Ты уж присмотри, товарищ, будь добрый, – водитель кивнул на авто. – Просто так не уволочь, но пригляд не помешает, машина казенная.

Часовой важно кивнул. Молодого человека он знал.

Троица зашли в дом, когда-то принадлежавший коллежскому советнику Еропкину, а следом за ним известному драматургу и инспектору Императорских театров Тарновскому, отметились на посту; двое сопровождающих вместе с ящиками прошли в небольшую комнату и там заперлись, а молодой человек со шлемом легко взбежал по мраморной лестнице, хранившей дореволюционное великолепие, на третий этаж и, пройдя через пустую в это время суток приемную, зашел в небольшой кабинет, значительную часть которого занимал массивный стол. В кабинете тут же стало тесновато.

– Товарищ начальник Московского управления угро, агент второго разряда Травин по вашему приказанию прибыл.

За столом сидел лысеющий человек средних лет, с небольшими усиками, в гимнастерке с тремя ромбами на петлицах и двумя орденами – Красного Знамени и Трудового Красного Знамени, двух высших наград РСФСР.

– Груз с собой? – устало спросил он.

Агент Травин кивнул.

– Ладно, что там у вас? – начальник МУУРа Василий Васильевич Емельянов вздохнул. – Из-за чего так Осипов переполошился?

– Банду Крапленого взяли наконец-то... – Сергей продолжал стоять, хотя рядом со столом стояли два стула для посетителей. – Ну ты помнишь, те самые налетчики, которые кассиров губернского банка расстреляли этой зимой, а на прошлой неделе магазин с мехами обнесли, который на Моховой. На малине их повязали, сволочей, всех шестерых, двоих, правда, утихомирить пришлось, зато четверо живы. У нас почти без потерь, одного из дружинников подстрелили, Кошевого, но выживет, ранение легкое.

– И что такого важного вы у Крапленого нашли, что Николай Филиппович вызвонил меня на ночь глядя?

– Так гляди, Василь Василич, – Травин покопался в наплечной сумке, выложил на стол револьвер с коротким стволом. – Американские, только в этом году начали производить. Называются – «кольт детектив спешиап», вроде как полицейские их носят незаметно. Откуда-то у этих мокрушников иностранное оружие появилось, причем новое, неотстрелянное. Значит, есть канал контрабанды, туда наверняка золотишко утекало, обратно – кнуты[1 - Кнуты – револьверы (здесь и далее воровской жаргон в основном приведен из «Словаря жаргона преступников», сост. С. М. Потапов. М., 1927).]. Кроме этого, там еще апельсинов[2 - Апельсины – гранаты.] целый ящик, бельгийских. Тыльнер к ним на хазу поехал с бригадой, там у них главный схрон, а меня сразу к тебе отослали, Филиппыч сказал, что это дело политическое.

– Сколько таких револьверов нашли? – начальник взял один, повертел в руках. – Удобный, можно носить скрытно, и ствол не надо отпиливать. Нам бы такие.

– Почти четыре дюжины. И апельсинов, то есть гранат, штук пятьдесят.

– Однако. Значит, точно на продажу завозили. Себе сколько взял?

– Обижаете, товарищ начальник.

- Травин! Давай без этих твоих фокусов.

- Один, - Сергей вздохнул, полез в карман, достал такой же кольт, как тот, что уже лежал на столе, но отдавать не спешил. - Красивая вещица, не удержался.

- Гранату тоже как сувенир взял?

- На хрен она мне, пока размахнешься, сто раз подстрелят. То ли дело пистолет. Для дела же, Василь Василич, не для себя.

- Ладно, оставь, только не свети им пока, оформим тебе как служебное. Где задержанные?

- В отделении, под охраной сидят, сюда везти не стали пока. Там казематы еще царские, замки - рулеткой не открыть. А на малине засада, покупателя ждут, с минуты на минуту объявиться должен.

- Хорошо, - начальник снял телефонную трубку. - Науменко, соедини-ка меня с Артузовым, да поскорее.

- Артур Христианович, привет, Емельянов беспокоит из МУУРа. Узнал? Чего так поздно? А есть повод. Ребята мои банду взяли, так там вещички интересные, аккурат по твоей части, ты уж, будь добр, пришли кого-нибудь. Сам будешь? Да, только что вернулся, а тут такие события. Жду. Бандиты? В Сокольниках сидят, в райуправлении. Хорошо, сейчас распоряжусь.

Он кивнул Травину, не отрывая трубки от уха.

- Потапов? Охрану к грузу распорядись усиленную, который внизу, и чтобы смотрели в оба. А теперь обратно на коммутатор переведи. Дайка мне Осипова, он в Сокольниках сейчас.

- Николай Филиппыч, Крапленый не сбежал еще? Ладно-ладно, Травин вот здесь, доложил уже. Значит, слушай, через двадцать минут, а то и раньше, у тебя будут ребята из ОГПУ, сразу им бандитов не отдавай, оформи все как положено. Надоели уже? Ты уж потерпи, только смотри, не напортачь.

Емельянов положил трубку, посмотрел на Травина.

– Если и вправду канал контрабанды нащупали, начальник твой может дырку под знак крутить. Ну и тебе дадут какую-нибудь цацку.

Травин насупился и тяжело задышал. По его мнению, отдавать свежесловленных бандитов другой службе было неправильно – Крапленого выслеживали почти три месяца, одного агента, который в банду внедрился, подвесили на дереве прямо в сквере напротив Курско-Нижегородского вокзала и еще живому выпустили кишки. Будь воля Сергея, бандиты бы сейчас не в Сокольниках прохлаждались, а лежали трупами там же, где их обнаружили.

– А ты что хотел? Раз живыми привезли, дальше все по законам республики. И да, хорошо, что ты приехал, а не кто-то другой, я уже сам собирался тебя вызвать под каким-нибудь предлогом, – начальник полез в ящик стола, достал оттуда лист бумаги, положил рядом с собой текстом вниз. – Ты сколько в угро служишь, год почти?

– Одиннадцать месяцев.

– Как тебе Тыльнер?

– Отличный парень. Грамотный, цепкий, под пули лезть не боится. Ты к чему это, Василь Василич?

– То, Сергей, что вы с ним одноклассники. А ума у Георгия Федоровича в сто раз больше, он в сомнительные дела не влипает и где надо осторожность проявляет. Давай, читай, ты же у нас грамотный.

Сергей развернул сложенный вчетверо лист, исписанный четким ровным почерком.

– Начальнику МУУР Емельянову Василию Васильевичу, – начал он. – Это чего за писулька такая?

– Читай.

– Заявление. Довожу до Вашего сведения, что агент угро Травин Сергей Олегович есть недобитая контра, обманом проникшая в органы. Сволочь эта беляцкая происхождение имеет самое что ни на есть эксплуататорское. Отец его, купец первой гильдии Олег Травин, держал в Выборге завод и рабочих угнетал, а как социалистическая революция победила, драпанул в Америку подальше от народного гнева... Что, правда целый завод?

– Завод, завод, – кивнул Емельянов. – Читай дальше.

– В 1919 году этот Травин воевал на стороне белофиннов в нашей Советской Карелии и только из-за уничтожения документов смог избежать справедливого наказания. – Травин хлопнул по бумажке. – Василич, грамотный человек писал, смотри, как фразы строит. Косит под люмпена, но ведь прорывается же у него гниль интеллигентская!

– Ты читай, Сережа.

– После войны эта контрреволюционная гнида обманным путем проникла в ряды доблестной рабоче-крестьянской милиции и до сих пор скрывает свою гнилую сущность, маскируясь под честного агента московского угро. Прошу разобраться и вывести на чистую воду. Агент третьего разряда Иосиф Соломонович Беленький. погоди, это же тот Йося Беленький, бывший делопроизводитель, который сейчас у нас сидит фотографом? Я-то чем ему навредил?

– Это я уж не знаю, с чего он на тебя взъелся. Может, жену ты у него увел или мотоцикл твой ему понравился, на котором ты везде раскатываешь. Но, скорее всего, не сам он это придумал, подсказал кто-то. Потому что ты, Сережа, пижон – на мотоциклете по Москве рассекаешь, с сомнительными людьми дружбу водишь, по кино шастаешь, а в пивнушку не заглядываешь.

– Ты же знаешь, что все это неправда, – Травин перестал дурачиться, серьезно поглядел на начальника. – Василич, у меня к белофиннам свой счет, как я мог им помогать? Ты-то этому не веришь, так?

– Ты еще расскажи всем, друг мой, что и не купец вовсе. Если бы ты мальчонкой у нас в авиаотряде не околачивался всю империалистическую, стал бы я с тобой возиться, сам посуди. Я ж тебя с тринадцати лет как облупленного знаю. И остальное тоже помню, про происхождение твоё и про то, как финны твою

невесту в Выборге порешили, после чего ты на фронт мстить отправился. Так?

Травин насупился и не отвечал.

– Молчишь? Правильно, сказать-то нечего. Слушай, что умный человек тебе скажет, сложные времена наступают. Скоро реорганизация начнется, наш угрозыск выводят из ЦАУ и передадут в прямое подчинение в наркомат. Начнутся новые чистки, как в двадцать четвертом, и всех бывших, кого тогда в органах оставили, в этот раз уже не пропустят. А там и меня сместят, некому будет тебя прикрывать по вот таким вот ложным доносам. Может, и правда тебе лучше в ремонтных мастерских было оставаться и не переходить в угро, там, среди работяг, поспокойнее.

– Так и сместят?

– Отправят на хозяйственную работу, – кивнул Емельянов. – На ответственную должность. Вопрос уже решенный, может, до дня революции, но скорее всего – зимой. Новое начальство придет, будет все дела проверять, тогда и за тебя ухватятся, и Беленького этого вспомнят, и других – ты же выживаешься, а таких у нас не любят. Вон как сейчас записку эту читал, гладенько, почти на бумагу не глядя, а не по складам, вода пальцем по строчкам. А в свободное время? Нет чтобы, как все нормальные люди, выпить, погулять, морду кому набить по пьяни, ведешь себя так, что прям белая кость торчит.

– Не берет меня водка, организм такой, – Травин покачал головой. – Чего ценный продукт переводить.

– Ты бумажку-то мне верни, ей еще ход давать. Сейчас недосуг, но через неделю будем разбираться, кто тут контра недобитая.

– Да чего уж там, – Сергей отдал донос. – А Беленького я прикончу. Эта падла на задержания иногда выезжает, хоть и трясется, как заяц. Правильно делает, против судьбы не погрешь, настигнет его случайная бандитская пуля.

– Не глупи, – строго сказал Емельянов. – Чтобы пальцем никого не трогал, а то дури в тебе полно, после ранения только прибавилось, если что случится – выгоню из органов в момент. И чтобы глаза здесь не мозолил, со следующей недели работаешь в Замоскворецком райотделе у Рудольфа Лациса, там тебя

почти никто не знает – новых сотрудников понабрали из пролетарского резерва, он уже с неделю у меня какогонибудь опытного агента требует.

– Как же так, Василич, мы с ребятами сдружились, и вообще, карманников ловить – не мое это.

– Ты мне поговори еще. Куда скажет начальство, туда и пойдешь. Тильнер на тебя вон тоже жалуется, говорит, руки распускаешь при задержании, две недели назад человека чуть до смерти не забил.

– Так то насильник был, мразь такая, малолеток зажимал. Пристрелить его по-хорошему было надо, я только и ударил-то два раза.

– Ему хватило, до сих пор не узнает никого, кормят с ложечки, доктора говорят – чисто овощ. Так что посидишь в отделении в секретном столе, ума понаберешься. Писульку эту я на контроль поставлю, но дело твое чистое, как-никак классово близкий революции элемент, потомственный крестьянин Сальмисского уезда Выборгской губернии, бывший красноармеец, герой Карельского фронта, под пули ходивший за революцию, только немного заблудившийся по причине ранений и тяжелой контузии, верно я говорю?

Травин кивнул.

– А Беленький этот – из семьи торгашей, такие только выгоду чувят, на наше дело им плевать. Да и родственничек за ним иногда присматривает, который самого Ленина охранял. Так что не связывайся, и сам цел будешь, и другим хлопот меньше.

– Все равно я его придушу.

– Травин, хоть одно замечание, и поганой метлой тебя из органов выгоню. Лично приказ подпишу. Все понял?

– Служу трудовому народу, – Травин выпрямился, щелкнул каблуками.

– А вот эти замашки отставь. Забудь, словно не было никогда. Прорвется что-то такое, и никто тебя не вытащит, свои же по подвалам затаскают. Возвращайся к

Осипову, а я с Артузовым разговаривать буду, чую, ночка веселая предстоит.

Глава 2

Июль 1922 года

Москва, Первая психиатрическая больница

– Проснулся, касатик? – медсестра в холщовом белом фартуке положила ладонь на лоб лежащему молодому мужчине. Нет, температуры не было, но градусник все равно поставить придется – таков порядок. – Буянить не будешь сегодня?

Мужчина кивнул головой и сморщился.

– Вот и хорошо, доктор сейчас придут, обход только начался.

Больной закрыл глаза. Профессор Зайцев лечил его три месяца, применяя новейшие, как самому профессору казалось, методики. Александр Минович считался подающим надежды будущим светилом нарождающейся советской психиатрии, почти наравне с одним из бывших начальников клиники, Гиляровским. На месте директора Первой психиатрической больницы Зайцев очутился после того, как его предшественник, Алексей Лукич Любушин, продемонстрировал своим студентам в качестве учебного пособия бывшего сотрудника ВЧК и уехал в ссылку. Но от больных профессор отказываться не стал и каждую среду в семь часов утра производил обход в сопровождении ординаторов.

До больного Александр Минович добрался только к восьми – на его взгляд, случай был сложный, но себя уже исчерпавший.

– Сергей Олегович Травин, – прочитал на табличке один из ординаторов. – Тысяча восемьсот девяносто девятого года рождения, диссоциативное расстройство идентичности.

Зайцев задумчиво кивнул, по его мнению, этот пациент уже две недели только место чужое занимал.

– Ну что, голубчик, больше странные идеи в голову не лезут? – грассируя, спросил он у мужчины. – Видения всякие, фантазии?

Тот замотал головой.

– Так кто вы у нас?

– Сергей Олегович Травин, родился в Сальмисском уезде в тысяча восемьсот девяносто девятом году, закончил ремесленное училище в Выборге, сирота. Воевал на Карельском фронте, сюда попал в результате контузии.

– Вот! – Зайцев поднял указательный палец вверх. – Обратите внимание, больной ничего этого не знал, когда здесь оказался, но благодаря правильно выбранной тактике лечения почти все вспомнил – самостоятельно, заметьте, никто ему не подсказывал. Значит, первичная личность взяла верх и полностью растворила дуальную. Несколько месяцев медицина пыталась ему помочь, случай, казалось бы, самый сложный, но наука, коллеги, не стоит на месте, а движется семимильными шагами, и теперь мы его готовим к выписке, возвращаем, так сказать, обществу полноценного гражданина. Запомните, а лучше – запишите, да-да, барышня, я к вам обращаюсь, доставайте карандаш и пишите. Раздвоение личности, или дуализм, или множественная личность, как еще называют это диссоциативное нарушение, отлично лечится посредством воздействия электрического...

На пациента он уже не обращал внимания. Еще вчера вечером профессор Зайцев подписал документы, теперь этого молодого человека подержат пару дней и выпишут из лечебницы – полностью здорового.

Сам больной так не считал.

Наоборот, еще полгода назад он был уверен, что его зовут Евгением Должанским и что до того, как очутиться в психушке, он прожил совсем не ту жизнь, о которой сейчас рассказывал. И с автоматом пришлось побегать, и швейцаром в элитном доме для российских буржуев поработать, и даже в душном офисе посидеть, только потом удалось открыть собственную

мастерскую, пусть маленькую, но для души. И это ему еще повезло, руки из нужного места росли, а вот одной ноги не было. Как именно он ее потерял и в какой жаркой стране, больной вспоминать не любил.

Он вообще не любил вспоминать – любая попытка вызвать картинки прошлой жизни тут же приводила к сильнейшему приступу головной боли, с рвотой и потерей сознания. Даже не так, прошлых жизней – теперь у него их было две. И здесь считалась настоящей как раз вторая, приобретенная, что бы там профессор ни говорил. Электрический ток, которым Зайцев его пытал, действительно помог, боль от разрядов помогала выныривать из беспамятства и крохами урывать то, что помнило это тело. Здоровое, с двумя ногами, мощными кулачищами и таким ростом, что он на кровати едва помещался.

Поначалу он еще пытался спорить, выяснять, где находится, но потом смирился. С тем, что здесь нет интернета, телевидения и сотовой связи, а первый спутник полетит в космос только через тридцать четыре года. И что для того, чтобы выяснить, где он и что происходит вокруг, недостаточно провести пальцем по экрану, нужно спрашивать. Или вспоминать то, что осталось ему в наследство от прежнего владельца тела, через тошноту, спазмы и обмороки.

За себя Евгений, он же Сергей, не беспокоился. Двадцать лет скинул, здоровье, если не считать приступов, присутствует, руки-ноги на месте, больная голова – тоже. Из того времени, где он оказался, помнились только революция и Великая Отечественная война, а вот что между ними происходило, больному было неведомо – в детском доме школьные занятия были не в чести. Но люди же жили как-то, значит, и он сможет, надо только найти занятие по душе.

Перед прежним Сергеем вины он не чувствовал – тот, даже со скудными познаниями нового Сергея в медицине, после взрыва гранаты и обрушения дома был не жилец. Хорошо хоть воспоминания остались, для адаптации полезные, хоть и не все, уж очень жизнь у этого Сергея Травина была пестрая и сложная. Больной вздохнул, кое-как поднялся с кровати, вышел в коридор и вернулся через несколько минут с газетой «Правда» – хоть давности и недельной, но здешней.

Август 1927 года

Город Рогожск Московской губернии

Конец августа десятого года от Октябрьской революции выдался жарким и сухим, дороги, даже самые никудышные и разбитые, подсохли после июльских ливней и при малейшем нарушении их спокойствия выдавали солидные клубы пыли, сопровождающие путешественников. От Москвы в Рогожск вел тракт, отсыпанный щебнем еще при царском режиме, в границах города он переходил в брусчатку, местами поросшую травой. Сообщение между уездным Рогожском, где располагались крупные мануфактуры, и губернской столицей было хоть и оживленным, но происходило в основном по железной дороге и реке, а по тракту тянулись в основном конные обозы мелких частников с продовольствием, изредка разбавляемые грузовиками, обгонявшими неспешную вереницу телег.

Здание Совета местных депутатов, где в промежутках между бурными собраниями тихо вел свою деятельность исполком, стояло на пересечении улиц Девятого Января и Советской, аккуратно наискось от бывшей женской гимназии, а теперь школы второй ступени имени видного советского писателя, а до этого почетного академика Императорской академии наук В. Г. Короленко.

Травин появился возле здания Советов за час до полудня, распугав кур и прочую живность. Точнее говоря, переполошил их не сам Сергей, а чадающее бензиновым дымом чудовище, выдающее посредством двигателя внутреннего сгорания страшные звуки и одиннадцать лошадиных сил. Мотоциклов в Рогожске отродясь никто вживую не видел, так что стоило Травину слезть с двухколесного красного агрегата с золотой надписью «Indian» на бензобаке и выставить заднее колесо на трапеции, вокруг тотчас начали собираться редкие прохожие. Ближе они не подходили, многие крестились по старой привычке. Проходящий мимо поп тоже перекрестился, плюнул и зашагал прочь от дьявольского изобретения, походя благословляя прихожан. Смелее всего вели себя дети, прибежавшие из сквера имени видного мыслителя революции Энгельса – они собрались кучкой возле мотоцикла, глядя на технику жадными глазами. Из разнородной, кое-как одетой детской толпы можно было выделить прогуливающих занятия учеников – по завязанным на шее красным галстукам.

Сергей, как смог, стряхнул дорожную пыль с одежды, подхватил под мышки ближайшего к нему мальчонку в рваной грязной рубахе, с черными босыми ногами, тот завизжал, но сразу перешел на восторженный писк, как только его поместили на коричневое кожаное сиденье.

– Как зовут? – строго спросил его Травин.

Мальчик молчал, вытаращив глаза.

– Емеля это, – подсказал кто-то из его друзей, что побойчее.

– Так, Емеля, назначаю тебя главным часовым. Смотри, это руль, клади ладони сюда. Не бойся, не укусит тебя этот железный зверь. И следи, чтобы никто не покусился на социалистическую собственность. Сделаешь?

Емеля от избытка чувств пискнул, гордо глядя сверху на товарищей. По его виду было понятно, что он скорее умрет, чем даст какому-нибудь злодею его оттуда стащить.

– Ну и молодец, – Травин еще и шлем с круглыми очками нацепил на мальчика, отчего Емеля стал похож на чудище из народных сказок, и поднялся на крыльцо исполкома.

В приемной председателя исполкома совсем еще молоденькая машинистка, белобрысая, с конопатым лицом и комсомольским значком на едва выпирающей груди, ожесточенно стучала по клавишам машинки «Ремингтон и сыновья». При виде высокого широкоплечего посетителя она смутилась и покраснела, но тут же взяла себя в руки, напустила строгий вид и кивнула на стулья возле массивной дубовой двери, одной из двух, на которой было написано: «Заместитель председателя Карпенко И. И.». Вторая дверь – председательского кабинета – была широко распахнута, но внутри никого не было.

Травин ждать не любил. А когда приходилось, немного нервничал. Он постоял пару минут у окна, наблюдая, как Емеля с товарищами обороняют его железного коня от любопытных городских жителей, потом подошел к столу машинистки, положил руки на столешницу и оперся на них, нависнув над девушкой, которая все это время незаметно, как ей казалось, постреливала в его сторону глазками.

– Как звать, красавица?

Машинистка покраснела еще сильнее, потом выдавила из себя имя:

– Любовь Акимкина.

– Мне к председателю, Любушка, да побыстрей бы.

Машинистка срывающимся голосом сказала, что председателя Губкина нет и до завтрашнего дня не будет, а его заместитель занят, но потом кивнула.

Сергей улыбнулся ей, подмигнул и, легко распахнув тяжеленную дверь с доводчиком в виде гири на цепочке, проник в кабинет.

– Травин Сергей Олегович, – представился он, глядя сверху вниз на стоящего возле конторки толстого мужичка в потрепанном френче.

Тот молча уставился на значок «Честному воину Карельского фронта», привинченный над левым карманом гимнастерки аккуратно напротив его глаз, сглотнул, откашлялся. Потом перевел взгляд на запыленные сапоги гостя и тарасился на них еще несколько секунд.

– По какому делу, товарищ? – наконец разродился хозяин кабинета, вернув взгляд обратно, к значку. Выше он смотреть почему-то не решался.

– Прибыл по предписанию – на должность завхоза второй детской колонии имени Карла Маркса... – Травин протянул лист с печатью.

Зампред бережно взял бумагу, сел за стол – солидное изделие прошлого века, с завитушками, бронзовыми купидонами и ножками в форме львиных лап, прочитал ее два раза, шевеля губами, и наконец, поднял бесцветные глаза на посетителя. Посуровел кустистыми бровями.

– Так ведь нету, – сказал он.

– Чего нет?

– Колонии у нас нету.

– Куда же она девалась?

Толстяк еще раз изучил бумагу, насупился. Зачем-то снял трубку с черного телефонного аппарата, подул в нее и повесил обратно.

– Что вы мне голову морочите, товарищ. Вот же сами смотрите, у вас в предписании указана колония имени Карла Маркса, с адресом в Нижегородской губернии, но направлены вы почему-то к нам. Ошибка в документах.

– И что же мне делать? Ехать обратно? – Травин мысленно выругался. Сам он полученное рано утром предписание прочитал вскользь, но чуял, что без подянки чьей-то не обошлось.

Хозяин кабинета снова уставился на бумагу с печатью, в нем боролись два чувства. С одной стороны, ну его, этого Травина, если послали в колонию, пусть туда и едет. А с другой – вот здесь уже человек, и потребности в людях у местных организаций имеются.

– Дык вот здесь, – наконец решившись, сказал толстяк, – написано, что если назначить на указанное место не удастся, то мы вправе предложить вам а-на-логич-но-е. Да, аналогичное, что значит – похожее. Вы, товарищ Травин, учились где-нибудь?

– Аккурат перед революцией реальное училище окончил. Хотел в университет поступать, но происхождением не вышел, буржуи не дали.

– Ну вот, образование имеется. А поскольку, товарищ, направлены вы все же к нам в уезд, о чем и пометка имеется соответствующая, а назначить мы вас в колонию эту не можем за неимением таковой, то, значит, готов предложить вам другую хозяйственную работу.

– Это какую же?

– В комхозотделе у нас недокомплект, начальство ихнее назначенцев требует, а старые кадры кто разбежался, кто в Москву или Ростов подался. Вы, я вижу, воевали?

– Да уж, довелось. Обе войны с финнами. На Карельском фронте подстрелили, когда от белофиннов нашу землю освобождал.

– Значит, огонь и воду прошел, – собеседник Травина хлопнул ладонью по столу. – А после фронта чем занимался, товарищ?

– Лечился после ранения долго, а как поправился – в гараже сначала механиком работал, а потом начсклада, – о своей недолгой сыскной карьере Сергей решил пока не распространяться, вот получают его дело, пусть сами тогда читают.

– Хорошо, стало быть, опыт хозяйственный имеется, и цифирей не боишься. Есть для тебя, товарищ Травин, должность инспектора, работа ответственная и, я бы даже сказал, опасная.

– Это который движение регулирует или билеты продает в трамвае? – Сергей, проезжая через город, успел заметить, что прямо по Владимирскому тракту проходит одноколейная линия, по которой ходит новенький трамвайный вагон немецкой марки «Сименс».

– В трамвае – это кондуктор, товарищ, – строго сказал зампреда. – А инспектор – он следит, чтобы нэпманы всякие и недобитки буржуйские, которым страна временно доверила свое имущество, его не разбазаривали абы как, а использовали по назначению. И вовремя за него плату вносили. Понятно?

– Нет, – честно сказал Травин. – Но я, если нужно, разберусь. А старый где инспектор? Ну тот, чье место освободилось?

– Пристрелили зимой, – погрузнел толстяк. – Сам, дурак, виноват, сунулся в одиночку в артельный склад, а там цех подпольный, контрабанду шьют, вот и кончили его эксплуататоры. Нет чтобы милицию позвать, решил, что сам справится. Но ты, товарищ Травин, будь поумнее, на рожон не лезь и, если что, сразу в органы сообщай. Ну как, согласен?

– Даже не знаю, в колонии как-то спокойнее будет, – Сергей сжал кулаки, бухнул на стол.

Зампреда чуть побледнел.

– Трое вас там, инспекторов, – торопливо сказал он, – участок тебе дадут какой полегче, оклад седьмому разряду приподняли, сто рубликов по новой тарифной

сетке, а мы и с жильем поможем, койку обеспечим в общежитии, и талоны на усиленное питание в городскую кооперативную столовую выдадим, как герою революционной войны. И дрова на зиму за счет города.

- Десять червонцев, говоришь?

- Как есть десять, - закивал головой толстяк. - Соглашайся, товарищ. От Москвы близко, а еще в нашем городе трамвай ходит, небось, видел уже, и театр есть, и даже синематограф. От профсоюза контрамарки будут, если ты это дело любишь. И люди тут знаменитые бывают, артисты там, писатели, город у нас хороший и быстро развивается, не то что при царизме дыра дырой был.

Травин для приличия подумал, потом кивнул.

- Эх, ладно, - сказал он. - Только из любви к синематографу и уважения к тебе, товарищ Карпенко, как по имени-отчеству тебя?

И вопросительно посмотрел на начальника кабинета.

- Исидор Иванович, - представился тот.

- Из уважения к тебе, Исидор Иванович, соглашусь. Ну и дрова тоже не лишними будут.

Тут дело завертелось. Прибежала машинистка Люба, выслушала указания начальства, быстренько напечатала приказ, на который зампреда поставил широкий росчерк, приложила к приказу синюю печать с гербом, и Травин почти стал полноправным членом местной бюрократии.

- Это совсем рядом, - Люба вызвалась проводить Сергея до нового места работы. - Наш исполком на Советской улице стоит, а ваш, товарищ Травин, коммунхоз - тридцать четвертый по улице Третьего Интернационала. Так-то он к наркомату внутренних дел относится, но и к исполкому тоже, до сих пор не могут решить, кто за что отвечает. Там начальником товарищ Кац Лев Аверьянович, так он сейчас на месте, я уже узнала.

– Так не пойдет, – Травин решительно махнул рукой, чуть было не пропустив девушку вперед, по старой привычке, но вовремя спохватившись. – Что ты меня на «вы» называешь? Я что, старик какой? «Ты» и Сергей, запомнила?

Машинистка неуверенно кивнула. Они вышли на улицу.

– И чтоб мне без этих выканий буржуазных. На мотоцикле каталась?

– Это ваш, то есть твой? – пролепетала Люба, глядя на иноземное чудо широко раскрыв глаза.

– Да, – коротко ответил Травин. – Емеля, докладывай, были происшествия?

– Нет, товарищ командир, – пацан уже освоился, даже очки натянул на глаза.

– Тогда, Любань, постой здесь и никуда не уходи, я на секунду.

Сергей оседлал железного коня, завел, выпустив в немногочисленных зрителей клуб сизого дыма, прокатил Емелю на багажнике до вокзала и обратно. Потом ссадил пацана на землю – тот сразу как будто выше ростом стал и важно что-то начал объяснять приятелям. Травин улыбнулся, похлопал по сиденью рукой.

– Люба, прошу.

– Ой, – сказала машинистка, – может, я лучше пешком, тут два шага всего?

– Нет, никаких пешком. Не бойся, держись за меня крепче.

Девушка так и поступила, обняла кавалера руками, прижалась всем телом, якобы от страха, а потом и вправду от страха, когда мотоцикл тронулся и с ревом промчался шестьсот с небольшим метров до коммунхоза.

Напротив двухэтажного здания из красного кирпича, дореволюционной постройки, в котором раньше жил купец третьей гильдии Веселкин, сгинувший в годы пролетарской диктатуры вместе со всей своей семьей, а теперь занятого коммунхозотделом, располагалась артельная чайная, открытая, как определялось декретом местного Совета, с раннего утра и до десяти вечера,

чтобы пролетарий мог и перед работой поест, и после нее культурно отдохнуть. Днем в чайной посетителей было раз-два и обчелся, рабочий люд собирался под вечер, выпить и закусить, а те, кто тунеядствовал, в основном еще спали или похмелялись дома, без лишних завистливых глаз.

За пустым столиком, вытасненным прямо на улицу, сидели двое парней, оба в рубахах навыпуск, парусиновых штанах и сандалиях фабрики «Скороход» на босу ногу. Один – рыжий, худощавый, невысокого роста – с тонким неприятным лицом, курил папиросу, второй – рослый, полноватый, с короткими русыми волосами и носом картошкой – просто развалился на стуле, подставив лицо солнечным лучам.

– Что за фраерок залетный на лисапедке нарисовался? – спросил рыжий. – Пришлый какой?

– Не знаю, – русоволосый засопел. – Гляди-ка, с ним Любка Акимкина, сеструха Сеньки Рябого. Вот ведь стыда у шалавы нет, прижалась и держится. Никак новый хахаль ейный.

– Может, и хахаль, только навряд ли, уж больно скорое знакомство у них получается. А ну, Весло, метнись-ка, дождись, если выйдет одна, и разузнай у нее, что и как.

Весло тяжело поднялся, незаметно, как ему показалось, кинул недобрый взгляд на рыжего и потопал к коммунхозу.

В отличие от сонного исполкома, в отделе коммунального хозяйства кипела работа. Многочисленные сотрудники в пиджаках и без сновали из кабинета в кабинет с пачками бумаг. Один до такой степени был увлечен бюрократической ношей, что прямо головой врезался в Травина, удивился препятствию, кое-как обошел, пританцовывая на цыпочках, и тут же помчался дальше.

Строгая секретарша в большом зале, откуда вели в отдельные комнаты пять дверей, рассортировывала посетителей по одной ей понятной схеме. Мельком взглянув на подписанную бумажку, она тут же выхватила ее из рук Любы и скрылась за второй дверью слева, с солидной бронзовой табличкой. Через секунду выскочила, строго кивнула и тут же занялась другими делами.

В кабинете, где обитало руководство коммунхоза, было накурено. Сизые клубы дыма занимали практически весь объем помещения, плавая то сгущавшимися, то расходившимися облаками, они переливались в лучах солнца, бившего в окна, обволакивали посетителей и душили их в своих объятьях. Приятно душили, запах английского табака Травин вдохнул полной грудью, а вот исполкомовская машинистка расчихалась и попыталась руками отогнать от себя местную атмосферу.

Лев Аверьянович Кац, пожилой мужчина с грустным носом и курчавой седой шевелюрой, куривший трубку, нового сотрудника встретил равнодушно.

– По направлению товарищ пришел? – спросил он отчего-то не у самого Травина, а у Любы.

Та кивнула, Сергею показалось, что Каца она недолюбливала.

– Карпенко мне позвонил уже. Телефонную линию ему провели прошлой осенью, таки он никак не наиграется. Вы, товарищ, присаживайтесь, – начкоммунхозотдела кивнул на стул, повертел в руках приказ и бумагу из Мосгубисполкома, – а вы, гражданочка машинистка третьего разряда, свободны, дальше мы с товарищем Травиным сами как-нибудь, без посторонних.

Люба фыркнула и с гордо выпрямленной спиной вышла. Дверью хлопнула, распугав клубы дыма.

– Пропесочат меня на комсоставе, – грустно хмыкнул Кац. – Нарисуют опять бюрократам, на мещанское прошлое надавят, в партком нажалуются. Никак не дойдет до них, что работать – это не только собрания устраивать и строем под песни маршировать. Так что, товарищ Травин, Москва таки вам не по душе прилась?

– Так получилось, – Сергей развел руками. – Послан в уезд укрепить хозяйственный актив.

– Ну да, ну да, дело мы ваше запросим в вышестоящей организации, но раз уж направление из губернского комитета есть, думаю, все будет в ажуре. Раньше с документами работали? Считать умеете?

Травин кивнул.

– Вот и превосходно. Инспекторов по имущественным объектам у нас временный недокомплект, у каждого свой фронт работы закреплен, и, если даже одного нет, у других нагрузка намного больше становится. Работа несложная, но требующая революционной внимательности и физической выносливости. Частник – он только и ждет, когда социалистический надзор ослабнет, чтобы схитрить, понимаешь, или выгоду свою поиметь. Финансовыми делами ведает фининспекция, мы в ее дела не лезем, если вдруг что серьезное – это сразу в отдел по хищениям местного сыска, то есть уголовного розыска, ну а первостепенная задача вашего подотдела – следить, чтобы на вверенной вам территории городские здания содержались в порядке, работы по уборке прилегающих территорий производились дворниками своевременно, заборы были в надлежащем состоянии, деревянные части покрашены, а арендаторы народной городской собственности вовремя вносили обременительный платеж, на что должна быть квитанция уездного банка. И чтобы в торговых помещениях производство не держали, склады не устраивали и имущество городское не портили.

– Не так уж мало делать придется, – осторожно сказал Сергей.

– Тут вам не столица, – веско ответил Кац. – Коммунальное хозяйство большое, но строения в большинстве или частные, или к другим ведомствам относятся. Так что клиенты наши в основном парикмахерские, чайные, похоронные бюро да магазины. Ну и жилые строения, которые городом сдаются внаем. Я бы вам другую работу предложил, например, транспортный подотдел нуждается или водоснабжения, но опыта у вас нет, тут образование специальное требуется. Так что начнете вы с резервного фонда, который простаивает, и потихоньку, может, недельки через две-три, будете уже и к нэпманам заглядывать.

– Это я справлюсь.

– Не сомневаюсь. Остальные инспекторы у нас давно работают, тонкости знают, и вы освоитесь. А пока начните с малого. Зайти во вверенное помещение, посмотреть, что и как, не обвалился ли потолок или не затопило ли подвал, не собираются ли элементы деклассированные, ордера не имеющие, тут любой сможет. В пинкертонов, молодой человек, играть не нужно, один вон таки поиграл, так теперь на погосте табличка с его именем нарисована. Так что

вливайтесь в работу, товарищ, сегодня же дадим койку в фабричном общежитии, в исполком сходите – они вам талоны оформят на питание. В столовой, я вам по секрету доложу, готовят не очень, так что настоятельно советую продуктами взять. Сегодня отдохайте, осмотритесь, что и как, и с завтрашнего дня в бой. Первую неделю с Афанасием Лазаревичем походите, а потом уже самостоятельно.

– Думаете, вникну за неделю? – Сергей улыбнулся.

– Молодой человек, – Кац вернул ему улыбку вместе с очередным клубом дыма, – революция прикажет, и мы справимся с чем угодно. Табачок нравится? У Ковальского в кооперативной лавке, по червонцу фунт. Дерет, зараза, в три шкуры, но товар того стоит.

– Да я больше папироски смолю, Фабрики имени товарища Урицкого.

– Трубочный табак и папиросный – две большие разницы, но как будет угодно. Встретимся завтра в восемь утра, товарищ, я вас Афанасию нарисую, и тогда уже с почином, – Кац поднялся, подошел к двери, приоткрыл ее: – Зинаида Ильинична!

Неожиданно громкий возглас Каца заставил Травина вздрогнуть. Второй раз он содрогнулся, когда в кабинет неторопливо вплыла дама шикарных объемов, казалось, еще чуть-чуть, и войдет она вместе с дверной коробкой. Мощная грудь и не менее мощный зад покоились на монументальных ногах, и талией по причине ее отсутствия не разделялись.

– Зинаида Ильинична, – Кац разве что слюну от вожделения не пустил, – вот товарищ из Москвы, Травин Сергей Олегович, будет у нас работать. Надо организовать ему жилье, направить в профком за талонами на питание и передать Афанасию Лазаревичу.

– Он завтра будет, – сквозь губу процедила женщина, снисходительно глядя на начальника. На Травина она взглянула мельком, но заинтересованно, отчего Сергей попытался вжаться в стул.

– Вот завтра и передадите, – Кац этот взгляд заметил, и он ему не понравился. Вытер платком лоб, протер очки. – До свидания, товарищ.

– И вам не болеть, – отчего-то сказал Сергей, бочком пробираясь мимо женщины. Та, оценив его потуги сбежать, только снисходительно усмехнулась.

Глава 3

1913 год

Офицерская воздухоплавательная школа,

Гатчина

На летном поле стояли два биплана Вегенера. Сам авиаконструктор, капитан Вегенер, сидел на низенькой табуреточке возле кучи железяк, аккуратно разложенных на белой простыне. Рядом с ним высокий белобрысый парнишка, на вид лет четырнадцати, пытался засунуть шестеренку в почти уже готовый узел.

– Ты поаккуратнее, – Вегенер сосредоточенно смотрел на запасные части, словно они силой его взгляда должны были сами собраться в какой-то очень нужный для биплана элемент. – Нежнее, это же техника, к ней как к барышне надо, с пониманием и лаской.

Парнишка покраснел, ему на самом деле было всего двенадцать, и о барышнях он имел довольно смутное представление.

– Ничего, подрастешь еще, узнаешь, что почем. Вон твой отец идет, сегодня очередной вылет у него?

– Да, на Меллере.

– Что-то сдал штабс-капитан, врачи что говорят?

– Только руками разводят, – парнишка сплюнул на землю, – коновалы. Порошками пичкают, клизмы ставят, а все без толку. Александр Николаевич, вот

почему доктора сами не знают, что делают? Вот самолет, в небо летает, мы его можем собрать и разобрать, из двух один сделать, еще лучше, чем были, чудо ведь, а организм человеческий, он же проще гораздо, чего там, сердце да печень с почками?

- Потому что, Сергей, самолет люди построили, а человек - дитя Божье, а значит, не постичь нам нашей собственной сути никогда. Уяснил?

- Нет, не пойму я. Мы же как птицы теперь летать можем, считай, то, что Бог дал, мы превзошли.

- Подрастешь, поймешь. Сие не для таких недорослей, тут опыт жизненный нужен. Нет на этом свете ничего более сложного, чем человеческое существо. Ну а пока мы должны с этим регулятором закончить, так что не отвлекайся.

...Вспышка, приступ головной боли накатил ожидаемо, но от этого не менее сильно.

1927 год

Рогожск, Московская губерния

- Это что за здание?

Заколоченный досками большой одноэтажный дом в конце Рабочей улицы, кирпичный, с большим чердаком и пристроенным флигелем проходил по документам как жилое строение. Сергей посмотрел покрытый печатными знаками лист, там ничего конкретного не содержалось.

- Чего его не сдадут под квартиры? Место хорошее, от вокзала недалеко, почти центр города, считай.

Афанасий Лазаревич, невысокий, слегка полноватый немолодой уже человек, только усмехнулся.

– Чудак ты, Сережа, – сказал он. – Такое в бумагах не напишут. Нэпман тут жил, Абрикосов фамилия, ничего особенного, мелкий торгаш, товар покупал на ткацкой мануфактуре и перепродавал, так его вместе с женой тут и порешили. Я сам не видел, говорят, топорами их на части разрубили, кровищи было столько, что все половицы пропитала, и полы теперь перестилать нужно.

– Кто сделал, неизвестно?

– Кто ж знает, следствие два месяца продолжалось, никого не нашли. Небось, кому-то дорогу перешел, или деньги водились в доме, в городе у нас пока спокойно, а вот в остальном уезде шалют, за копейку убить могут. Пометь-ка у себя – забор покосился, в ненадлежащем состоянии. Видишь, штакетины оторваны, и столб один ушел вбок. Сгнил, наверное.

– Чинить надо?

– Нет, просто пометь. Кто ж этим заниматься будет, деньги и так скудно выделяются. Вот найдутся жильцы когда-нибудь, назначат управдома, он и займется.

– А чего не заселяется никто?

– Дурак, – Афанасий Лазаревич вздохнул. – Говорю ж тебе, убили тут семейку целую. С тех пор полгода прошло, никто и близко не подходит. Пробовали одного инженера заселить, так он в Баку сбежал через день, говорил – призраки тут живут, отрубленные головы по воздуху плавают.

– Так и плавают?

– Мне откуда знать, я туда даже заходить боюсь. Уж и попа звали, прости Господи, и что только ни делали, нехорошее это место.

Афанасий перекрестился, опасливо оглянулся, не видел ли кто. Травин только головой покачал. Сам он ни в призраков, ни в другие потусторонние силы не верил, хотя имел для этого больше оснований, чем остальные.

– Погоди, а вон флигелек – там вроде живет кто-то, – сказал он.

– Фельдшерица, – инспектор десятого разряда аж облизнулся. – Та еще штучка, из старорежимных. Красотка, доложу тебе, знатная. Она тут третий год обитает, значитца. Одинокая, без мужа живет, вроде как вдова, за ней местное начальство как только ни ухлестывало, не сдается ни в какую. В больнице местной работает, так они, как что заболело, к ней бегут, вроде как на осмотр, чтобы, значитца, пощупала. Тьху, стыдоба.

– Она-то чего не съехала? Не боится?

– Дык кто ж ее знает. Говорят, колдунья она, к ней наши бабы гадать ходят, и бают, что как скажет – так непременно сбывается.

– Так уж непременно?

– Бабье дело дурацкое. Скажут такой, что во вторник ее в кооперативном ларьке облапошат, так она сама все сделает, чтобы точь так и произошло. Я подробностей-то не знаю, сам в такие дела не верю, – Афанасий три раза сплюнул через плечо, – а другие поступают пусть как хотят. Так, Сергей, ты чего вылупился на дом? Пошли, у нас еще кооперативный магазин сегодня по плану. У Бергмана всегда продукты свежие, глядишь, сметанки накапает, или маслица отольет, или даже ветчинки отрежет.

– Погоди, – Сергей решительно направился к дому, поднялся на крыльцо, осмотрел дверь – толстая, такую пинком не открыть. И замок висит солидный, отмычкой с нахрапа не взять. – Афоня, а дорого такой дом снять? Он же пустой стоит?

– Ох и хитер бобер, – Афанасий тоже подошел поближе, но на крыльцо подниматься не решался. – Думаешь, один такой умный? Ладно, подскажу, если оно тебе надо. Есть один ход, с хорошими помещениями не сдюжится, а вот с такой ненужностью – может сработать. Только потом попомни мою доброту, как оказия случится. Доброго денечка, товарищ следовательно.

Новое действующее лицо появилось, словно выпрыгнуло из тени. Высокий худощавый мужчина лет тридцати, в гимнастерке и брюках, заправленных в короткие сапоги, с цепкими карими глазами и коричневой кожаной папкой, стоял чуть поодаль и пристально смотрел на них.

– Дом осматриваем на случай незаконного вторжения, – торопливо объяснил Афанасий. – И с инспекцией технического состояния.

– Следователь уездного суда Мальцев Павел Евсеевич, – представился мужчина. – А вы у нас новичок?

– Да, – Сергей кивнул, – Травин Сергей Олегович, работаю инспектором в комхозотделе.

Мальцев оценивающе посмотрел на Травина. При довольно внушительном росте сам он все равно был сантиметров на десять ниже, да еще крыльцо придавало Сергею солидную фору.

– Прописку оформили?

– Оформляю, жду документы из Москвы, – Сергей как смог радушно улыбнулся. Следователь – не милиционер и не управдом, и не его дело, прописан тут Травин или нет, и коммунхозотдел к НКВД относится, а значит, с нахрапа его не взять, но ссориться с представителями органов без причины себе дороже. Это он по личному опыту знал, и по одному, и по другому, и по совместному.

– Это у вас мотоциклет американский? Наслышан. Продолжайте работу, – Мальцев хмыкнул, развернулся и ушел.

– Возле фельдшерицы вертится, – Афанасий дождался, пока следователь отойдет достаточно далеко, и не выдержал, насплетничал: – Настойчивый, она ни в какую, а он прям как сокол вьется. Ты с ним поосторожнее, говорят, человек злопамятный, год назад как сюда, в Рогожск, перевели.

Мальцев по дороге в суд зашел в административный отдел исполкома – начальника милиции на месте не было, зато нужный ему субинспектор угро сидел за столом и листал папку с бумагами.

– Привет, – поздоровался он.

– И тебе не хворать, – субинспектор Карецкий оторвался от исписанных листов. – Дактилоскопист еще работает, но, похоже, надо будет в Москву отправлять, нет тут таких пальчиков.

– Чую, те же самые сработали, – Мальцев пододвинул стул спинкой вперед, сел, облокотившись на него. – Третий налет с зимы только в нашем уезде, а по губернии как бы не десятый, широко развернулись. И нигде никаких следов, чисто стелют.

– Ну не скажи, в этот раз пальчики на ноже-то оставили, промашку дали.

– Чует мое сердце, и здесь промашка будет.

В уезде и так было беспокойно, нет чтобы домушники резвились или щипачи, так еще банды налетчиков активизировались, были такие, что только по зажиточным работали, и то и за кусок хлеба могли убить. Два месяца назад Карецкий и сотрудники секретного стола угро задержали троих, мужчину, женщину и подростка: те с зимы ходили по уезду, выбирали дом, какой побогаче, просились на ночлег, а утром уходили, связав хозяев и унося все ценное. Мальцев их колол почти месяц, потом передавал дело в суд, и вот только на прошлой неделе взрослым дали по пять лет, а мальчонку в колонию отправили. И то только потому по более суровой статье не пошли, что эта троица никого не убила, одна жертва, правда, задохнулась, но тут уж умысла не доказали.

Банда, о которой говорили следователь и субинспектор, свидетелей не оставляла, зато трупов – с избытком. Почерк налетчиков позволял считать, что действуют одни и те же люди, целью бандитов были семьи с достатком, убивали всех подряд, женщин, какие помоложе – насиловали перед смертью. Не оставляли в живых даже детей, тех, правда, без жестокости убивали, аккуратно перерезали горло ножом. Огнестрел банда не использовала, предпочитала топоры и ножи, работала чисто, без следов, и вот только на последнем налете прокололась – нашли сыскари ножичек с пальцами, которые никому из домашних не принадлежали.

В уезде банда объявилась прошлой осенью, начав с нэпмана Каракаева, пятеро членов семьи трупами дождались приезда милиции, потом кооператор Берг вместе со стариками-родителями, руководитель артели Савицкий – в тот раз без

детей и стариков обошлось, артельщик с женой жили одиноко, а аккурат как снег сошел, их жертвой стала семейная пара Абрикосовых, живших в том доме, возле которого Мальцев встретил нового инспектора.

- Инспектора нового встретил, - сказал он Карецкому. - Прописки нет до сих пор, а уже почти неделя прошла. Непорядок.

- Управдомы не по моей части, это тебе к его начальству, в коммунхозотдел. Вот если он сворует что-нибудь, сразу займусь. А что за инспектор-то такой?

- Который из Москвы, на мотоцикле разъезжает американском.

- А, по направлению. Да, наслышан уже, - Карецкий устало потянулся, потер глаза, - всех девок переполошил, только и разговоры о нем. А всего-то надо вот такую штуку себе между ног засунуть и проехаться. Где ты его встретил?

- У дома Абрикосовых, ну этих нэпманов, которых весной порешили.

- Странно. И с чего он там ошивался?

- Да вроде как по работе, вместе с другим коммунхозовским.

- А, вот оно что. Думаешь, к зазнобе твоей подбирается? - Карецкий хотел хитро подмигнуть, но вместо этого широко зевнул, показав желтые от курева зубы. - Пал Евсеич, смотри, уведет девушку. Ох, сейчас бы поспать. Вроде тихий городок, мирный, а сколько швали развелось. Из Москвы их выставляют, так они сюда, по селам хоронятся, а в Рогожск приезжают фраеров пощипать. В трамвае опять карманник объявился, сегодня уже второе заявление принесли. А как я его найду? Базарный день на носу, народу тьма. Как лед на реке сошел, склады опять начали потрошить, уж засады ставим на дорогах, а они как-то просачиваются, сволочи. За лето уже одиннадцать случаев, ни одно не раскрыли. Слушай, бросай-ка ты свою кабинетную работу - и айда к нам, а то совсем там у себя в суде зачакнешь.

- Нет уж, лучше вы к нам, - Мальцев поднялся. - Со складами дела открыты, если до октября подвижек не будет, нам тут не поздоровится. Сторожа все одно твердят - появились четверо, лица замотаны, связали, товар увезли. Если

недоработаем, песочить нас будут мама не горюй, считай, почти на триста тысяч добра пропало.

- Согласен, - субинспектор развел руками. - Делаем, что можем. Штат маленький, народу не хватает. И так без выходных вон пашем. Раскрыли дело профсоюзного председателя Жамкина, который заявление писал, что сейф у них в комнате взломали и похитили двести червонцев. Сейчас похититель у нас в каталажке сидит, уже признался.

- И кто он?

- Так сам Жамкин и есть. Потратил кассу на баб и водку, а потом испугался, что за растрату посадят, и решил взлом инсценировать. Нанял местного урку, тот ночью в комнату залез, стекло разбил, сейф сломал, только приятелям своим проговорился. Мы его, голубчика, повязали, а денег-то нет. Где, спрашиваем, профсоюзное добро? Он на Жамкина и показал, так тот сразу, дурак, признался. Так что забирай обоих хануриков, дело раскрыто. А с бандой пока не получается, нет зацепок, кроме этого ножика.

- Все мы в одном положении, - жестко сказал следователь. - По шапке вместе и будем получать. Ладно, как с пальчиками определитесь, сообщите, а то вы любите сначала сами дров наломать, а потом в суд это принести.

- Обещаю, - приложил субинспектор руку к груди.

План, предложенный Афанасием, был прост, но только на первый взгляд. Никто Травину дом бы просто так не отдал, а за деньги - не было у Сергея таких денег, чтобы целый дом арендовать, чай, не нэпман.

- Значит, решил допнагрузку на себя взять? - Кац прочитал заявление, бросил на стол. - Сам додумался, или подсказал кто?

- Афанасий Лазаревич, - признался Травин.

- Вот жучила, все ходы знает. Ну да ладно, с обычным домом у тебя бы это не прошло, ты же понимаешь? - начкомхозотдела откинулся на спинку кресла,

набил трубку табаком, не спеша раскурил. – А так соглашусь, и ты с жильем будешь, и нам польза, для общего дела. На то, чтобы в порядок здание привести, тебе даю шесть месяцев.

– И надбавку.

– И надбавку, – согласился Кац. – Ставка управдома низшей категории – восемьдесят рублей, значит, доплата тебе на два разряда вверх. Тридцать целковых получишь, больше не дам, и на ремонт выделю строго по смете. Что вы там надумали с Афоней?

– Вот, – Травин развернул на столе план. – Смотрите, Лев Аверьяныч, в доме два этажа. Нэпман постарался, и к водопроводу подключился, и к электричеству, и даже яму выгребную снаружи сделал, а трубу из дома туда пустил. На первом этаже печь, от нее идет паровое отопление. Кое-что, конечно, растащили, но восстановить сможем. Внизу большое помещение, комната для прислуги, подсобка и прочее, это мы оставляем на потом, всегда разгородить можно. А наверху почти двести сорок квадратных аршин, или сто двадцать квадратных метров, их поделим на комнаты по пятнадцать метров, плюс коридор, получится шесть комнат. Шесть семей можно заселить. Или придержать для коммунхоза, будет гостиница для командированных, по четыре человека в комнате. Да, кроме двух этажей, еще чердак есть, и его можно на комнаты разделить, только утеплить надо будет или только в летнее время использовать. И подвал большой, можно под мастерские какие пустить или на склад.

– Надо обдумать, – начкомхоз выпустил большой клуб дыма. – Дом хорош, нечего ему без дела стоять. Приезжих и вправду расселяем кого куда, общежитие-то фабрике принадлежит, так что ты молодец, хорошо придумал. Осталось только привидения оттуда выселить и привести все в порядок. Кстати, дело твое обещали со дня на день прислать, само оно ушло аж в Нижний, оттуда не допросишься, но архивная копия осталась. Есть там что-то такое, из-за чего старому еврею стоит хвататься за сердце?

Новый клуб при ткацкой мануфактуре открылся недавно, рядом с ремесленным училищем, а точнее говоря – в одном из его зданий, и по вечерам там собиралась местная молодежь. Читали стихи, пели песни, а когда самодеятельность надоедала, смотрели кино.

Следующий день после того, как Сергей воодушевил своего начальника предстоящим изгнанием злых духов из пустующего здания, выпал на еженедельный выходной, по этому случаю в клубе крутили новый фильм Барнета «Мисс Менд» с Наталией Глан в главной роли. Показывали вторую часть, первая попала в Рогожск еще весной, и многие уже позабыли, что в ней происходило, но молодежь это не смущало. Из зала звучали комментарии, а музыкальное сопровождение прерывалось громким хохотом.

Травина в клуб притащила Люба, Сергей попытался купить ей билет, но девушка только фыркнула и достала две бумажные купюры по рублю.

– В нашей стране все равны, – строго сказала она. – Как тебе не стыдно предлагать такое комсомолке, где твоя пролетарская сознательность?

Сергей возмущаться не собирался, за свою жизнь всякое повидал, среди его знакомых женского пола встречались как те, кто считал, что мужчина должен оплачивать все, так и такие же современные девушки, не отягощенные предрассудками. И, если здраво рассудить, он предпочитал вторых, с ними и сложностей было гораздо меньше, и расставались они, когда приходило время, без особых эмоций.

Единственное, что его огорчало, так это то, что здесь членам профсоюза фабрики и комсомольцам те же самые билеты обходились по два рубля вместо трех. Денег у Травина почти не осталось, зарплата, даже с надбавкой, обещанной Кацем, светила только через десять дней, а брат подношения нэпманов он как-то брезговал, несмотря на то, что в коммунхозотделе этим промышляли многие.

Фильм он уже успел посмотреть в «Художественном», все три части, по контрамаркам от профсоюза. Картина ему и тогда не очень-то понравилась, во-первых, тем, что была чернобелой и немой, с картонными актерами и детскими спецэффектами, а во-вторых, с точки зрения сотрудника секретного стола, все эти дергания героев были пустым занятием. На месте ленинградской милиции он бы перестрелял злодеев, не успей они сойти с корабля, и закрыл тему с империалистами, но авторам картины удалось растянуть эту бессмыслицу на три часовых сеанса.

А вот Люба смотрела раскрыв рот, кричала, переживала, прижималась к Сергею невыдающейся грудью и хватала его за руку в самые острые моменты.

– Какая же она красавица, – заявила машинистка, когда картина закончилась, и они в числе последних посетителей вышли из клуба. – И молодец. Не побоялась пойти против проклятых буржуев, хоть и американка, но настоящая, по сути, советская женщина. Я бы тоже вот так поступила. Отличный фильм, правда?

– Сногшибательный, – подтвердил Сергей. – Куда пойдём? К тебе или ко мне в общежитие?

– Сегодня не выйдет, у меня дела, надо готовиться к завтрашнему собранию. Будем голосовать за то, чтобы нашему городу дали имя настоящего революционного героя, вместо старорежимного названия. Пойдем с нами, заодно и поучаствуешь? – и она кивнула на компанию явно комсомольского вида. – Отличные ребята, из цеховой комсячейки.

Травину отличные ребята не понравились. В основном тем, что все они были в разной степени навеселе – водку в буфете клуба комсомольцам разливали за минусом трети цены, а пьяных Сергей не любил и в этой жизни, и в прошлой. Сам он после контузии если и выпивал изредка, то никакого удовольствия от этого не получал, и опьянения тоже, словно вода проскакивала через пищевод, только голова иногда болела от тридцативосьмиградусной продукции Наркомпищепрома. На семерых ребят в этой компании было всего две девчонки, включая Любу, а это значило, что дело непременно дойдет до драки. Начинать жизнь в городе с мордобоя Сергею не хотелось.

– Нет, сам дойду, – решил он.

– Ну, как знаешь, – Люба разочарованно тряхнула головой. – Увидимся завтра.

И убежала.

Редко, очень редко его здесь вот так оставляли без женского внимания – свободные нравы Республики Советов совершенно уничтожили буржуазную скромность и мораль. Мотоцикла, чтобы добраться до общежития, тоже под рукой не было, его Сергей оставил в гараже коммунхозотдела, на всякий случай – украсть не украдут, а вот колеса отвернут и приделают к какойнибудь телеге,

и бензин сольют. Технику даже в гараже спасало только то, что в мототехнике в Республике Советов мало кто разбирался.

Молодежь кучками пробиралась по улице Советской Конституции через мост, горляня песни, и исчезала на той стороне реки; мероприятие закончилось засветло, только-только начинало вечереть, ясная погода, уходящее за горизонт солнце и растущая луна, уже вылезшая на небо, отлично освещали дорогу, и Травин самонадеянно решил, что дойдет до дома сам, в одиночку. Можно было отправиться вслед за остальными, а можно было вернуться чуть назад, на улицу, названную в честь эсера Егора Сазонова, убившего царского министра фон Плеве, дойти до другого моста и оказаться почти в центре города, возле Богоявленского собора, который в прошлом году, как выяснил Сергей, остался без колоколов, но все равно с попами. А там уже и до фабричного общежития, куда поселили Травина, было рукой подать. И путь был вроде как покороче, чем тот, который выбрало большинство.

Дорога шла мимо складов, забитых чуть ли не до крыш. Водная артерия, соединявшая Рогожск и Москву, позволяла вывозить отсюда грузы по реке, и с окрестных волостей на склады свозили и зерно, и мануфактуру, и прочие товары, которых в уезде выпускалось множество.

Сергей быстро понял свою ошибку, равно как и то, почему никто из зрителей не отправился по тому же маршруту. По улице Советской Конституции можно было дойти до трамвая, ходившего с утра и до самого вечера, и на нем доехать через весь город до нужного места – если ноги устанут. И замощена она была камнем, не в пример той, по которой он теперь шел, периодически спотыкаясь.

Когда Травин наступил первый раз во что-то липкое и дурно пахнущее, то просто выругался и постарался дальше обходить конские каштаны, но это не всегда получалось – улицу Сазонова никто не убирал, так что уже через две сотни метров он только и делал, что матерился. Сергей всерьез думал повернуть обратно, к цивилизации, и только врожденное упрямство тянуло его вперед.

Распахнутые ворота склада он увидел, только когда подошел практически вплотную. Длинное кирпичное здание стояло в сорока метрах от улицы, которая в этом месте поворачивала, и Сергей ошибся, принял отводок из утоптанного грунта за основной путь. Рядом с воротами стояла телега, заполненная едва ли на треть какими-то тюками; когда Травин подошел, здоровый бородатый мужик в ватной кофте поправлял подпругу. Лошадь фыркала и пыталась его укусить.

– Эй, – Сергей приблизился почти вплотную, прежде чем мужик его заметил, – не пойму, свернул, что ли, не туда? Это улица Сазонова?

– Улица дальше, – бородатый мотнул головой, – иди своей дорогой, мил человек, не мешай работать.

Он разогнулся, выгнув спину, рукава фуфайки были обрезаны, выставя на обозрение мощные руки, заканчивающиеся толстыми пальцами. Грузчик был немного ниже Травина, зато в плечах как бы не раза в полтора шире. По тому, как он подхватил небрежно тяжеленный с виду тюк и легко забросил его на телегу, можно было представить, насколько этот мужик был силен. К тому же бородатый был не один, еще двое стаскивали тюки поближе к выходу, судя по тяжелому дыханию, груз действительно весил немало. Травин бы так и ушел, но увидел в неясном свете керосинового фонаря, освещавшего помещение, чьи-то ноги. В горизонтальном положении. То, что происходило на складе, его никаким образом не касалось, валяется человек на полу, может, устал и отдохнуть прилег. Житейская логика говорила, что нехорошие дела обычно обделывают ночью, когда никто не видит и все спят, а не вот так вот – практически среди бела дня. Но без малого год, проведенный в угро, подсказывал, что что-то тут нечисто.

– Может, помочь? Я бы за пару рублей тут перекидал вам груз-то, – предложил он бородатому, – а то на фильму потратился, гол как сокол. Вон смотри, какая тяжесть, сами не сдюжите.

На вид те двое, что таскали тюки, были не такие уж хилые. Ростом, может, поменьше Сергея на голову и пожиже того, что у телеги стоял, но телосложением крепкие. Бородатый обернулся, тихо свистнул. И из глубины склада показался еще один, невысокий и худой, со шрамом на подбородке.

– Вот, – мужик кивнул худому на Травина, – заработать хочет. Говорит, пожрать не на что купить.

– А ты? – худой покосился на Сергея.

– Я ему баю, мол, иди своей дорогой, барин.

– Гражданин, – поправил его худой, чуть картавя. – Бар нету теперь, извели под корень породу поганую. А все правильно вам мой друг объяснил, мы сами отлично справимся. Вы куда направляетесь, товарищ?

– К мосту.

– Так это вам в другую сторону, – худой радушно улыбался, держа руку в кармане. Двое его товарищей перестали таскать тюки и подошли поближе, обошли Травина стороной и встали чуть позади. – Направо надо, до фабрики, аккурат где новый клуб, а там по Конституции до трамвая. Здесь, сами видите, грязно и вечереет уже.

– Да уж сколько прошел, – Сергей развел руки в стороны, показывая – сколько. – Тут вроде недалеко, доберусь. Мне вот заработать бы чуток, билеты, зараза, дорогие, и за что только целковые дерут.

Худой внимательно и, как казалось Травину, с сочувствием его выслушал, чуть кивнул головой. Двое его подручных схватили Сергея за разведенные руки и потащили к воротам склада. А бородатый постарался ткнуть ему в челюсть своим громадным кулаком. Травин среагировал слишком поздно, постарался уйти вправо, и удар попал ему в левое плечо. Кулак ударил с такой силой, что Сергея развернуло вместе с подельниками бородатого. Те растерялись, но руки продолжали держать крепко.

Бородатый приготовился ударить ногой в живот, драться он не умел, но за счет массы и большой физической силы наверняка пробил бы Сергею брюшину, поэтому Травин откинулся назад и лягнул того, что был справа, сапогом в пах. Врезал ему изо всех сил. Каблук впечатался в промежность грузчику, тот взвыл, отпустил руку и упал на колени.

Второй грузчик попытался ударить Сергея в ухо, но промахнулся, и кулак только скользнул по волосам. Сергей перехватил руку, заломил ее и дернул вперед, заставляя грузчика потерять равновесие. Тот сделал шаг, припадая на колено, и тут же сапог Травина врезался ему в челюсть, чуть пониже виска. Раздался хруст, вскрик, и вторая рука освободилась.

Бородатый заревел, словно медведь, и кинулся на Сергея, пытаясь сбить с ног. Травин старался не упустить из виду худого, тот был неприятно спокоен и

передвигался так, чтобы все время оказаться вне поля зрения, так что нападение это почти пропустил. Они с бородатым покатались по земле, собирая пыль, грязь и конский навоз, мужик попытался сжать его, переломать ребра, но понял, что Травин тоже не дрищ какой, и вцепился ему в горло.

Сергей в этот момент лежал на боку, чуть придавливая бородатого, для размаха места не было, поэтому он локтем врезал ему в бок. Толстая ватная фуфайка немного смягчила удар, но с таким же успехом Травин мог колотить по каменной стене, бородатый словно ничего не почувствовал. Перед глазами поплыли темные пятна – кислород практически перестал поступать в мозг. Сергей забросил руки назад, к шее, нащупал ладони мужика и сломал ему мизинцы, а потом безымянные пальцы. И средние. Раздался громкий треск, как будто ломали доски. Бородатый от боли неожиданно тонко запищал, отодвинулся, и тут уж Сергей двинул ему локтем в горло. Раздавленный хрящ хрустнул, прервав писк, бородатый закашлялся, нехорошо так, с одышкой, и обмяк.

Худой стоял, держа в руке револьвер.

– Переположишь всех, – Травин вскочил на ноги, походя пнул одного из грузчиков – тот попытался подняться. Пелена от глаз быстро отступала. – Сбегутся на выстрел, не успеешь утечь.

– Согласен, – худой сунул револьвер обратно в карман, вытащил нож. – Сделаем это тихо. Прыткий ты, товарищ барин, где так драться научился?

Видимо, он ожидал, что Сергей ответит, и прыгнул вперед. Но Травин таких штукек навиделся, заговорить зубы и зарезать, это у бандитов первое дело. Так что он чуть согнул ноги и качнулся в сторону. Нож пропорол рубаху, Сергей попытался перехватить руку, но худой был юрким и проворным. Он отпрыгнул, перекатился и полоснул Травина по ноге.

Сергей зашипел – рана была неглубокой, только штанину ему худой разрезал и чуть по мышце попал, но кровь теперь заливала сапог. Противник тем временем переместился поближе, и постарался ударить Травина в горло. Но разница в росте была слишком большой, расчет худого строился на том, что рука с ножом, распрямляясь, становится твердой, получая опору, и в то же время гибкой в кисти, от такого удара уйти трудно, лезвие входит снизу в подбородок с выкрутом и, пройдя через мягкие ткани, проникает в мозг.

Травин качнул головой в сторону, пропуская лезвие между шеей и подбородком, и попытался зажать ладонь, придавив голову вперед. Но худой ловко вывернулся, отскочил назад, а потом снова резко сократил расстояние, почти вплотную, перекинув нож в левую руку. Сергей почувствовал, как лезвие входит ему в бок, рассекая ткани тела. По всему он должен был отпрянуть, давая человеку со шрамом возможность ударить еще раз, но не сделал этого. А наоборот, практически прижался к противнику, обхватил его голову, засунул средние пальцы в уши, а большими надавил на глаза. Нажал что было силы, выдавливая глазные яблоки, правый глаз худого почти вывалился из орбиты. Тот захрипел, попытался вырвать ладонь, и тогда Сергей резко развел руки и ударил по ушам. Чувствуя, как немеет бок, двинул худого по колену, ломая сустав, и рухнул на него сверху. Бандит дернулся, по телу пошли судороги.

– Эй, – прохрипел Сергей, – ты не умирай, мы еще поговорить должны.

Но худой не отвечал. Он закатил оставшийся глаз и не дышал.

– Черт, – выругался Травин, сознание плыло, видимо, нож задел в организме что-то важное.

Тот грузчик, которому достался удар по детородным органам, полз на четвереньках к Сергею. Медленно, но все равно, шажочек за шажочком приближаясь. В руке у него был нож. Второй грузчик тоже все пытался приподняться, но каждый раз падал на землю, мотая головой. Из рта у него шла пена. И если он был не очень опасен, то вот первый – вполне мог до Травина дотянуться.

И ведь дотянулся, схватил рукой за ногу, потянул на себя. Сергей попытался отпихнуть его второй ногой, только по пальцам попал, грузчик застонал, но ногу не выпустил. Наоборот, теперь он вытягивал руку с ножом вперед, пытаясь проткнуть Сергея. Один раз даже попал, но то ли сил у мужика было маловато, то ли нож туповат, только штанину и кожу проткнул слегка.

Травин нащупал в кармане худого револьвер, вытащил, выстрелил два раза в налегающего на нож грузчика, попал в голову – первая пуля вошла в лоб, чуть выше правого глаза, а вторая в щеку. Еще две пули выпустил во второго, вроде попал, тот дернулся и уже не пытался подняться.

И остаток – в воздух.

Глава 4

Очнулся Сергей в небольшом помещении, в котором стояли три кровати – каждая по своей стене. Все, кроме той, на которой он лежал – пустые, с аккуратно сложенными серыми одеялами поверх сероватых же простыней. Травин повертел головой, разминая затекшие мышцы шеи, в центре комнаты с деревянного потолка свисала лампочка накаливания на коротком проводе, стены были выкрашены светло-серой краской, под которой угадывались кирпичи, окна в комнате не было, зато была дверь, для разнообразия – темно-красная.

Вот только добраться до нее Травин не мог – кто-то его надежно привязал к койке. Кисти и щиколотки были зафиксированы матерчатыми лентами, обернутыми несколько раз, порвать их Сергей даже не пытался. Пальцы рук и ног затекли; приподняв голову и скосив глаза, Травин поймал взглядом правую кисть, пошевелил пальцами, те вроде были розовыми, значит, или привязывали недавно, или не затянули слишком сильно. Одет Сергей был в длинный халат с завязочками на спине – он ощущал каждый узелок.

– Эй, – закричал он, – есть кто живой, ссать хочу!

На самом деле Сергей хотел и в туалет, и есть, и еще много чего, кричать пришлось долго, он даже слегка охрип, зато подергавшись, обнаружил, что почти ничего не болит. Нож, который ему всадил в бок худой бандит, должен был пропороть печень, а с пробитой печенью человек, считай, не жилец, внутреннее кровотечение сделает его покойником за несколько минут. Значит, обошлось, в который раз уже. Если бы Травин верил в бога, то решил, что ему помогает ангел-хранитель, а так – списал все на везение.

Через пять минут криков дверь отворилась, и вошел низенький толстенный человечек в белом халате в сопровождении военного без знаков различия, вооруженного наганом.

– Раз кричит, значит, поправляется, – полуобернувшись к военному, сказал доктор. – Смотри-ка, прыткий какой. Идите, милейший, и сообщите начальству, что наш подопечный проснулся.

Военный что-то забубнил, но врач решительно выставил его за дверь.

– Райх Генрих Францевич, – представился он. – Что же вы, голубчик, хулиганите? Переполошили всех, а лежали бы тихо, и глядишь, все бы обошлось.

– Что обошлось? Где я? Какое число? – Травин заморгал. – Я хочу ссать. Что, прямо в койку напрудить?

– Нет уж, для таких нетерпеливых у нас есть утки, но не стоит зря беспокоить санитарок и Дарью Павловну, – врач протестующе замахал пухлыми руками, – потерпите, милейший, буквально пару минут. Товарищи из милиции проводят вас в отхожее место, прошу, дождитесь их.

– Я что, арестован?

– Именно так, хотя эти держиморды говорят, что только задержали до выяснения, – Генрих Францевич чуть было не прослезился от того, что его подопечный так сообразителен. – Вы, голубчик, только не волнуйтесь, раны едва зажили. Мы ведь, почитай, с того света вас вытащили, нож прямо по печеночной вене полоснул, надрезал слегка, чуть вправо, и сейчас бы апостолу Петру рассказывали о прошедшей жизни.

– Я атеист, – Травин осторожно попытался втянуть живот, напрягая мышцы, но боли не почувствовал. – Сколько уже так валяюсь?

– Восьмой день, – охотно ответил врач, сложив руки на животе и любуясь пациентом. – Вы уникальный случай, молодой человек. Первый раз вижу, чтобы на людях все так быстро заживало. Другие, считай, с месяц будут валяться, если их так же подрежут, а вы за неделю как огурчик, прямо загляденье. А вот и товарищи милиционеры пожаловали.

В комнату вошли двое мужчин в милицейской форме образца 1926 года, споро отвязали Травина от кровати и довели до отдельного помещения, где стояла

фаянсовая чаша с деревянной грушей на цепочке, свисающей с чугунного бачка. Дверь не закрывали, внимательно следили, чтобы задержанный сделал все свои дела тщательно и без эксцессов. Сергея присутствие посторонних не волновало, он и не такое в своих жизнях пережил.

– Ну что, братушки, пошли обратно? – он натянул штаны, сжал несколько раз кулаки – силы ушли, но обещали вскоре вернуться.

Братушки кулаки оценили, и весь обратный путь Травин шел под прицелом наганов.

В кабинете начальника отделения рабоче-крестьянской милиции Гирина было накурено. Не так, чтобы топор висел, но наган вполне бултыхался бы в сизом от дыма воздухе, не падая на пол.

– Ну что скажешь, Иван Мироныч? – Мальцев листал бумаги, пока Карецкий сражался со старым окном, пытаясь его открыть.

Гирин, крупный мужчина сорока лет, со вчерашней щетиной и выбритой до блеска головой, сосредоточенно изучал отчет дактилоскописта. Начальником отделения РКМ он был назначен всего год назад, а до этого занимался партийной работой, и, будучи человеком хоть и необразованным, но неглупым, прислушивался к мнению более опытных коллег.

– Сомнения меня гложут, – поделился он. – Вот, Семченко пишет, что совпадают пальчики с тем ножом, что мы нашли. И сам ножик похож, прям брат-близнец. Только как-то это вышло неожиданно, легко, стало быть.

– Так чего ты жалуешься? – Мальцев потер глаза – дым уже до слез довел. – Это мне вон рыдать надо, три трупа и один-единственный свидетель, он же потерпевший, который ничего не помнит и все события без сознания провел. К этому суповому набору один обвиняемый, и тот в больнице валяется, доктор говорит, что если и очнется, то может дней через пять, не раньше, а пока только в утку гадит.

– Не обвиняемый, а подозреваемый в совершении, – поправил его Карецкий. Он наконец-то справился с окном, и свежий воздух кое-как разогнал клубы папиросного дыма. – И свидетель твой его не опознал.

– Да он вообще путается, этот сторож, то четверо грабителей было, то трое, хорошо хоть Панченко опознал уверенно, ну который с ножиком этим. Тот у него что-то спросил, а потом Сивухин и не помнит ничего. На голове шишка, в мозгах физический вакуум. Кто его, кроме Травина, мог так треснуть? Панченко ростом не вышел, а остальные двое, хоть и крепкие, но с такой силой и с такого угла не могли ударить, так судмедэксперт считает. Остается один подозреваемый.

– Не сходится, – Карецкий уселся на стул, закинул ногу на ногу, затаился с удовольствием. – Травина этого, считай, половина комсактива видела, он в кинематограф Любку Акимкину из исполкома водил. Судмедэксперт говорит, что, скорее всего, именно он бандитов замочил, судя по характеру смертельных травм. Ты чего так на парня взъелся?

– Да от безысходности, – пожаловался Мальцев. – Понимаю, что на него особо ничего нет, но вдруг ниточка протянется. Он приезжий, на должность хлебную устроился, по домам шастает, того и гляди, с нэпманов дань собирать начнет. И пошел-то ведь не со всеми, а через дорогу эту, где только подводы и ездят. Спрашивается – зачем? Что ему не шлось среди людей-то. Может, и связан как-то. Пришел к поделщикам подмочь, и не поделили они что-то, такое тоже бывает. Бумаги на него пришли?

– Пришли, – Гирин усмехнулся. – Ты удивишься, когда узнаешь, где он раньше служил.

– Да ну, подумаешь, – следователь махнул рукой, – легавым он был, из ваших, так ведь?

– Откуда знаешь? – взвился Карецкий.

– Связи есть, – Мальцев загадочно улыбнулся. Потом рассмеялся устало. – Кац намекнул, а потом уж я сам узнал. Знакомый работает следователем в Замоскворецком райсуде, так этот Травин у них в райугро служил, какая-то нехорошая история с ним вышла, после чего из органов правопорядка его поперли. Так что подозрения, Иван Мироныч, остаются. Может, на руку нечист

наш инспектор или еще чего похуже. А точно я узнаю, когда вы мне на подозреваемого все материалы передадите. Ты уж давай, дорогой товарищ Гирин, колись, что там на него.

Карецкий с Гириним переглянулись.

– За пьянку из органов отчислили, – начальник милиции положил кулаки на стол. – Но на самом деле, мне тут сорока на хвосте принесла – да-да, не только у тебя есть знакомые в столице, так вот. За драку его вышибли. Один из агентов на него донес, что так, мол, и так, беляк этот Травин, сражался на стороне контры и работал на купцов при царе. Но не подтвердилось, ОГПУ проводило проверку вместе с адмотделом. Собирали показания свидетелей из армии, так те утверждают, что он белофиннов голыми руками давил, одного полковника ихнего просто кулаком до смерти забил, не успели оттащить. Да еще сам председатель совнаркома Карелии товарищ Гюллинг за него поручился, мол, с лучшей стороны знает, как настоящего красного бойца. Так что не стали дело раздувать, хотя агента, что на него донос написал, этот Травин вроде как проучил. Тот теперь маму родную не узнает, разумом стал словно дитя, ходит под себя и кушает с ложечки.

– И за это выгнали? За дело ведь проучил, эдак, если каждый начнет доносить запросто так, мы вообще без личсостава останемся, – Мальцев сплюнул.

– Не то чтобы с треском выперли, дали выговор, естественно, настоящую-то причину писать не стали, а водку кто не пьет. И потом потихоньку перевели на другую работу, в колонию детскую, вроде как и не особо виноват, но и в органах работать дальше не может, пока моральный облик свой не поправит. У стукача этого родственник дальний в управлении, с той же фамилией, он как раз и постарался. Почитаешь, поймешь, он от ОГПУ подпись ставил в деле. Тут далеко не все, но характер у парня прослеживается.

– Изучу, – следователь протянул руку, Гирин нехотя вложил в нее затертую синюю папку. – Как придет в себя, допрошу. Но подозрений с него снимать не собираюсь пока. Так что с бандой?

– Ты – следователь, тебе и решать, та ли это банда, что нэпманов резала, – Карецкий усмехнулся. – Но я надеюсь, что эта. И если окажется, что этот инспектор банду порешил, то мы еще в ножки ему поклонимся.

– Ты эти старорежимные штучки брось, – Гирин вздохнул. В милиции приходилось работать со старыми кадрами, сохранившими кое-какие привычки с царского времени вместе со свободой поведения, и вольница эта ему порядком надоела. – Что там еще?

В комнату заглянул пожилой милиционер.

– Так это, – сказал он, – очнулся болящий. В сознание как есть пришел. Жрать, то есть кушать, требует. Дохтур сказал, чтоб пока не беспокоить, значит. А я сразу сюда, как приказали.

– Свободен, – Гирин махнул рукой. – Ну что, Пал Евсеич, очнулся твой Травин. Подождешь или сразу допросишь?

– А чего ждать, – Мальцев встал, – сейчас только в суд заеду, стенографистку возьму, и поговорим. Посмотрим, что за фрукт.

Когда следователь вышел, Гирин и Карецкий переглянулись.

– Ох и прыткий этот Мальцев, – Гирин раздраженно швырнул карандаш на стол. – Чего, спрашивается, к парню приклеился? Видно же, что этот Травин тут ни при чем, шел мимо, увидел ограбление, попытался задержать бандитов по старой привычке. Силы не рассчитал. По всем статьям герой, а его на цепи держат.

– Дела сердечные, – Карецкий закашлялся, приложил платок ко рту. Когда отнял, на грязно-белой ткани проступило красное пятно. – Зазноба мальцевская тут боком вышла, Травин, по слухам, вокруг нее так и вьется, а теперь еще она и в больничке за ним утки выносит, наш следователь натура чуткая, деликатная, пережить этого не может. Вот и докапывается до каждой мелочи. Ты уж, Иван, проследи, чтобы парня в обиду не дать, если он и вправду чист, если надо, через партактив надави. А то каждого можно замазать так, что не отмоеся.

– Понимаю, – Гирин согласно кивнул. – Эх, если бы не отметка в его деле, взял бы к себе, в рабоче-крестьянскую. Приглядеться надо. Считаю, спас он нас, мы засаду устроили возле реки, как ты сказал, так двое пьяные пришли в зюю, а еще один мальчика прислал сказать, что заболел. А сам на следующее утро лыка не вязал. Впятером сидели, если бы эти бандиты прорвались, не известно, кто бы

кого. Хорошо, что ты со своими ребятами на месте оказался. Может, надо было дружинников привлечь? Или в ГПУ дело передать?

– Сами справимся, а то сколько гонялись за бандой, поймать не могли, – Карецкий затянулся папиросой. – А то как чуть что, так в ГПУ, у них, понятно, возможностей больше, но и мы не лыком шиты. Мироныч, может, и взаправду Травина к себе возьмешь, когда все образуется? Парень он лихой, не то что твои олухи, только водку жрать да девок тискать на задержании могут.

– Ты все шутишь, с таким делом его хорошо если в управдомы поставят, – Гирин вздохнул. – Да и не водилось на прошлой работе за ним особых подвигов, так, сбоку припека в райотделе был. Видишь, с кем работать приходится, а где кадры взять? Лучших ты в угро переманиваешь, понимаю, иначе нельзя, но и ты пойми, Саша, это ж революционная милиция, мы образцом быть должны для советских граждан. А не буржуев щипать да торговок гонять по рынку.

– Кто-то этим должен заниматься, – субинспектор легко засмеялся, затянулся в последний раз, выбросил гильзу в окно. – Мироныч, не унывай. Такое дело раскрыли, считай, молодцы мы. Эх, сейчас бы отдохнуть немного, и снова в бой. Как в гражданскую, помнишь? С шашкой на врага, чтобы пыль под копытами и ветер в лицо, а за нами полусотня с гиканьем и тачанка с пулеметом. Вот жизнь была, ясно и понятно, там враг, тут – друг. А голова пусть у следователя болит, он жопу в кабинете отсиживает, пусть чуток тоже поработает, ну хоть иногда.

Мальцев отсиживаться не стал, выйдя из отделения РКМ, запрыгнул в подошедший с оказией трамвай, ткнул кондуктору красную книжечку в лицо и, проехав несколько остановок, выскочил на улицу. От здания суда до больницы, где держали задержанного, идти было не больше десяти минут быстрым шагом, стенографистка оказалась на месте, так что он подхватил женщину под руку и поволок за собой. Та только тяжело вздыхала, прижимая блокнот и карандаш к груди – Элле Прокловне было уже пятьдесят пять лет, и в суде она работала еще при Николае Втором Кровавом.

– Пашенька, помедленнее, – только и просила она, увлекаемая железной рукой закона.

Мальцев посмеивался, обещал, что как дело закончат, так он ее домой отпустит, несмотря на середину рабочего дня, и кое-как добрался до здания Рогожской больницы, там через хирургическое отделение прошли к выходу в непереносимый для каждой больницы сад с гуляющими на свежем воздухе выздоравливающими, а уже оттуда в отдельно стоящий флигель, где и лежал подозреваемый.

– Не разрешу, – доктор Райх стукнул кулаком по столу. – Хочешь допрашивать – в тюрьме у вас есть отделение специальное, вот туда и переводи. Больной только в себя пришел, давление высокое, кровь к голове и животу приливает. А если будет разрыв? Кто отвечать – опять я?!

– Опять ты... – Мальцев приблизился к доктору, перегнувшись через стол. Райх мог колотить кулаками сколько душе угодно, на следователя это впечатления не производило. – Душонка мелкобуржуазная, только о своем спокойствии и печешься, можно подумать, тебя этот больной волнует. Чтобы через пятнадцать минут был готов, а то я в твоей богадельне такой шмон устрою, ты эков лепить будешь в лагерях, и никакой Кац тебя не прикроет.

– Да хорошо, хорошо, – Райх поднял пухлые ладошки вверх, – будет тебе твой Травин через пятнадцать минут, Даша с ним закончит, и проводят его держиморды в кабинет. Было бы из-за чего ссориться.

– Ладно, – следователь сел обратно на стул, потер ладонями лицо, – ты, Генрих, меня извини. День тяжелый, вот и сорвался. Выдержит он допрос?

– Бить не будешь – выдержит, – доктор небрежно махнул рукой. – Здоровый, как бык. Другой бы еще неделю валялся, и не выкарабкался бы, а этот в себя пришел и сразу начал внимания требовать. Обед слопал так, что за ушами трещало, добавки потребовал, а где я продукты буду лишние брать? Медсестер опять же за задницы щиплет, те смеются, вроде как нравится им, а дисциплина страдает. Милиционеры его побаиваются, из-за двери подглядывают, в палату – ни-ни, так что допрашивай, забирай к себе в кутузку, и чтобы духу его здесь не было. Гиппократу я больше ничего не должен.

– Гиппократу, может, и нет, а вот Российской Советской Федеративной Социалистической Республике – еще как должен, – веско сказал Мальцев. – Ладно, жду его здесь, пока просто поговорим. Эй, Свешников!

В дверном проеме появился милиционер.

– Давай сюда задержанного, и Элла Прокловну пригласи, а то она спешила очень.

Милиционер усмехнулся в густые усы и ушел. Мальцев пристально посмотрел на Райха. Тот только плечами пожал и тоже вышел.

Травин в сопровождении двух милиционеров появился только через двадцать минут. Мальцев успел чаю выпить и съесть половину сдобной булочки из больничного рациона, Элла Прокловна от чая отказалась, а вот на сдобу смотрела жадно, пришлось поделиться.

– Хорошие тут булки пекут, – следователь аккуратно смахнул крошки со стола в ладонь, а потом – в рот. – Мягкие и душистые. Хоть ложись и лежи, как в санатории.

Стенографистка ничего не сказала, ей обещали короткий рабочий день, а подследственный не торопился, и она волновалась. Младший должен со школы прийти, опять со шпаной загуляет, одежда новая, дырки штопать не в радость. А старший с фабрики только поздно вечером появится, она успеет и булок напечь, не хуже этой, и суп сварить из курицы, что вчера купила и ощипала. Раньше-то, когда оба малые были, тяжело приходилось одной, теперь их двое в семье, работников.

Все эти мысли читались у нее на лице, Мальцеву они были неинтересны. А вот подозреваемый – очень даже.

– Садитесь, – кивнул он головой на свободный стул, стоящий возле окна. – Вы, товарищи милиционеры, снимите с задержанного наручники и за дверью обождите. Да-да, не тронет он меня и не сбежит, так ведь, Травин Сергей Олегович?

– Зависит от того, зачем привели, – Сергей уселся на стул, положил на столешницу кулаки, следы от стальных браслетов белели на кистях. – В чем же обвиняют меня?

– Записываете, Элла Прокловна? – дождавшись кивка стенографистки, Мальцев раскрыл папку. – Я – Мальцев Павел Евсеевич, следователь уездного суда, назначен для рассмотрения вашего дела. Вы – Травин Сергей Олегович, русский, из крестьян, одна тысяча восемьсот девяносто девятого года рождения, место работы – отдел коммунального хозяйства при исполкоме Советов, должность – инспектор седьмого разряда, все правильно?

– Да.

– Вы подозреваетесь по статье сто тридцать шестой уголовного кодекса РСФСР[3 - Статья 136 УК РСФСР (здесь и далее – в редакции 1926 года) – умышленное убийство с отягчающими обстоятельствами. Пункт «в» – способом, опасным для жизни многих людей или особо мучительным для убитого, «г» – с целью облегчить или скрыть другое тяжкое преступление.], а вот по какой именно части, тут мы и решим.

Травин усмехнулся.

– Наверное, пункт «в»?

– Да нет, Сергей Олегович, скорее пункт «г» – с целью облегчить или сокрыть другое тяжкое преступление. Не хотите чистосердечно признаться?

– Нет, не хочу.

– Так и отметим, подозреваемый помощь следствию оказывать решительно отказывается. Опишите мне весь день воскресенья, двадцать первого августа одна тысяча девятьсот двадцать седьмого года.

Пока Травин рассказывал, чуть ли не по минутам, как провел прошлые выходные, Мальцев вполуха слушал, а стенографистка прилежно записывала. Сергей на мелких деталях утра и дня останавливаться не стал, а вот ближе к вечернему времени наоборот – описывал все подробно, называл людей, которые могут это подтвердить, говорил четко и по существу, без лишних рассуждений.

Следователь, казалось, уснул и очнулся, только когда Травин перешел к событиям, случившимся сразу после киносеанса.

– Так почему вы с комсомольцами не пошли, или считаете для себя зазорным с рабочими людьми вечер провести? – лениво протянул Мальцев.

– Нет, – Сергей равнодушно посмотрел в окно, со следователями он сталкивался часто и душу наизнанку выворачивать не собирался. К тому же этот Мальцев не кричал, тюрьмой и расстрелом не угрожал, значит, для себя уже все решил, и то, что Сергей скажет, собственно, значение имело только для прокурора, а потом для суда. А прокурору нужны доказательства, собранные следствием, помогать в этом Мальцеву Травин не собирался. И еще, что тоже важно, кроме статьи, которую следователь упомянул, была статья, о которой ни слова сказано не было – сто шестьдесят вторая. Если совершалась кража, да еще по сговору, Мальцев должен был это внести в протокол. – Голова болела, а если бы пошел с ними, пришлось бы в собрании участвовать. Отказаться неудобно, как-никак пролетарская молодежь, энтузиасты, они ведь за общее дело радуют, ну а идти вместе – значит, вроде как согласен.

– Голова, значит, болела?

– Контузия у меня, – кивнул Травин. – После Карельского фронта, где я с беляками сражался. Не лечится ничем.

– И даже водка не помогает?

– Я же сказал, ничем. Только лечь и попытаться уснуть.

– Хорошо, – следователь чиркнул что-то карандашом на листе бумаги. – Вы пошли по улице Сазонова. Знали, что она не освещается и что в основном по ней транспорт гужевой ездит?

– Нет, я тут недавно. Думал, раз улица, значит, и фонари должны быть, и мостовая.

– Значит, считаете, что советская власть недостаточно заботится о горожанах?

– Считаю, что мы строим коммунизм. А при коммунизме все улицы будут рано или поздно замощены и освещены фонарями. И если сейчас есть отдельные недостатки, то мы их обязательно исправим.

– Хорошо, – следователь сморщился, словно лимон съел. – А потом вы прошли мимо склада кооператива «Светлый путь», где хранятся товары государственной мануфактуры.

– Я шел мимо складов, – терпеливо объяснил Травин, – и рядом с одним из них увидел людей. Подошел спросить дорогу, а они напали. Какой там именно склад был, я не знаю, это не мой участок.

– Мне картина видится иной, – Мальцев чуть наклонился вперед, – вы, Сергей Олегович, в сговоре с бандитом Панченко решили обокрасть склад с тканями. Подельник ваш ждал вас возле места назначения, вы, пользуясь служебным положением, подошли к сторожу, усыпили его подозрения, ударили по голове, а потом, пользуясь его бессознательным состоянием, вместе с Панченко совершили кражу текстильной продукции. Что-то не поделили, может, хотели все себе захватить, и с Панченко расправились. С особой жестокостью, множественные переломы, выдавленные глаза, не церемонились вы с ним. Это увидели братья Матвеевы, работники мануфактурной фабрики. Их роль пока следствию недостаточно ясна, но, скорее всего, случайные прохожие. Матвеевы решили вас задержать, вы их тоже убили из огнестрельного оружия. И потом, чтобы скрыть свое участие в преступлении, изобразили произошедшее так, словно случайно наткнулись на них. Правильно я говорю? Сознаетесь, Травин, вы не на службе, максимум, что вам светит – десять лет, да еще судья скостит половину, а то и больше, отбудете срок в лагере, выйдете на волю с чистой совестью.

– Половину скостит? – Травин заинтересованно посмотрел на следователя.

– Только если сдадите других участников ограбления – не себе же вы столько материи решили взять.

– Заманчиво. Но нет, не делал я ничего такого, гражданин следователь. Шел мимо, случайно наткнулся на людей, спросил дорогу. Они меня попытались убить, я сопротивлялся. Никаких преступных действий не совершал, о характере совершаемого деяния догадался только тогда, когда Панченко начал мне угрожать револьвером.

– А потом вдруг засунул его обратно и с ножичком напал? Ты мне горбатого не лепи, сказки будешь прокурору рассказывать, он такое любит.

Травин пожал плечами, возражать не стал.

- Элла Прокловна, пожалуйста, оставьте нас на минуту, - попросил Мальцев.

Стенографистка послушно вышла, оставив блокнот и карандаш на стуле.

- В общем, так, - следователь тяжело вздохнул, - или ты, Травин, сознаешься во всем, и я тебе гарантирую три года, с Матвеевыми непонятно пока, может, и вправду как подельники пойдут - родственников у них нет, а самим им уже все равно. Пойдешь по сто тридцать девятой[4 - Статья 139 УК РСФСР - убийство по неосторожности.], получишь по полной, исправительными работами не отделаешься, тут уж извини. Но чтобы всех подельников мне сдал: и того, кто мануфактуру берет, и кто подводу дал, и кто на плоту вас ждал. Или загремишь ты на десять лет, а то и отягчающие обстоятельства найдут, как-никак ваш коммунхоз к НКВД приписан[5 - Отделы коммунального хозяйства относились к ведению исполкомов Советов, но в то же время подчинялись НКВД РСФСР.], а значит, можно сказать, ты при исполнении был. Выбирать тебе.

И выразительно посмотрел на распахнутое окно, мол, вон она, свобода. Но Сергей остался сидеть, не делая попыток сбежать.

- Хорошо, - подумав, сказал он. - Зовите стенографистку.

- Элла Прокловна, - крикнул Мальцев, - идите сюда, запишем добровольное признание.

Стенографистка села обратно на стул, положила блокнот на колени.

- Ну же, Сергей Олегович, облегчите душу.

- Я атеист, в существование души не верю, - Травин улыбнулся. - Еще раз настаиваю на том, что ничего противозаконного не совершал, напротив, пытался предотвратить совершение преступления. С Панченко и Матвеевыми, о которых упомянул следователь, знаком не был, видел их в первый раз, сам первым не нападаю, физическое воздействие оказал только тогда, когда понял, что передо мной - грабители, и только в ответ на их действия. После того как обезвредил одного из преступников, произвел выстрел в воздух, чтобы привлечь внимание

правоохранительных органов, и уже потом в двух остальных, пытавшихся напасть на меня с холодным оружием. Был тяжело ранен, потерял сознание, очнулся уже в больнице, где мне оказали медицинскую помощь. Так что, гражданин следователь, я задержан или арестован?

Мальцев недовольно нахмурился.

– Можете идти, – наконец сказал он. – Элла Прокловна, беседа с подозреваемым окончена. А вы, Сергей Олегович, из города не уезжайте, я вызову вас на допрос. Дело не закрыто.

– Конечно, – Травин поднялся. – Как только вы мне выпишете документ и повестку пришлете.

– Подпишешь бумажку в отделении милиции, – буркнул следователь. – И... Травин, если я замечу, что ты хоть где-то оступился, вот даже в самых мелочах, снисхождения не будет. Это тебе не столичное угро, где на грешки глаза закрывают, ты государственный служащий, а значит, и спрос с тебя особый. Иди, глаза бы мои тебя не видели.

– А ведь ты меня боишься, Мальцев, – Сергей распрямил пальцы и снова сжал кулаки. В проеме двери появилось встревоженное лицо милиционера, тот держал наган на изготовку. – И правильно делаешь.

– Угрожаете мне, Сергей Олегович?

– Нет, – Травин поднялся. – И в мыслях не было. А вот вы, товарищ следователь, поклеп на государственного служащего наводили. Нехорошо это, не по-советски.

В мыслях у Сергея было другое, и обдумывал он это, пока шел в палату, забирал свои вещи, выслушивал доктора Райха, уверявшего, что Травин уже выздоровел и дальнейшая медицинская помощь ему нужна только амбулаторно, в виде мазей и хорошего питания. Сергей спрашивал себя, зачем следователь ломал комедию. Неужели надеялся, что он бросится на Мальцева, по роже даст или, того хуже, сбежать попытается? Ответа на этот вопрос Сергей пока не знал, но решил, что обязательно его получит. Второй вопрос, который тоже ждал ответа: почему следователь считал, что напавших на него бандитов было трое. Мужик с

бородой и сломанным горлом уйти далеко не мог, если и отполз куда, должны были милиционеры на него наткнуться. Но не наткнулись, а значит, гуляет где-то или, что более вероятно, лежит и тоже потихоньку выздоравливает. И когда-нибудь кривые дорожки их с Травиным сведут вместе.

Выйдя на крыльцо со свертком пилюль и предписаний, Сергей столкнулся с фельдшером, которая целую неделю за ним ухаживала. Высокая, с тонкой талией и изящной шеей, светловолосая красавица курила папиросу.

– Благодарен за уход, Дарья Павловна, вы уж извините, если что не так, – Травин остановился. – Я не самый хороший больной и веду себя не очень, но поверьте, не забуду того, что вы для меня сделали.

– Рано вы выписались, Сережа, – Дарья Павловна строго посмотрела на него своими глубокими серыми глазами. – Доктор Райх постарался?

– Не только, – Сергей покачал головой. – Но я действительно практически здоров. И если могу чем-то вас отблагодарить...

– Нет, это мой долг, – просто сказала женщина. – Берегите себя. А то медсестры мне ваш уход не простят.

– А вы? – вдруг неожиданно даже для себя спросил Травин.

Дарья Павловна только улыбнулась, погасила папиросу о железные перила, бросила гильзу на землю и скрылась в дверях.

Несколько семей из села Сморчково жили обособленно, на выселках. Само село, как полагается – с церковью и сельсоветом, окружило себя полями, а вот выселки стояли, почитай, в лесу, и занимались их жители бортничеством. Лесной мед – он самый душистый и сладкий, пчелы что попало собирать не будут, когда такой выбор цветоносов. Так что жили семьи зажиточно, батраков не нанимали, продналог отдавали сполна, и местная власть, что старая, что новая, в их дела особо не лезла. Так, зайдет участковый раз в месяц, просто для порядка, да детишки в новую школу шастают туда-сюда, ну и раз в две-три недели телега за чем-нибудь необходимым в город съездит, заодно воск и мед отвезет, вот и всех

связей с внешним миром.

- Глаз дергается, - женщина с изрезанным морщинами лицом поправила одеяло на лежащем на кровати мужчине с окладистой бородой. - Третий день уже. Может, дохтура позвать?

- Дура ты, - ее собеседник, кряжистый старик с узловатыми пальцами, только головой покачал, - знаешь ведь, что у Никифора за дела. Мигом в застенки утащат, не посмотрят, что еле живой. Бабка Фекла что говорит?

- Сказала - лежать ему надо, сам очнется. За отвар червонец взяла.

- Медом не захотела?

- Нет, сказала - деньги нужны на заговоренную воду.

- Толку никакого, как хрипел, так и хрипит, - дед недовольно сплюнул на пол. - Отойдет не ровен час.

- Вы уж постарайтесь, чтобы выкарабкался, - в горницу зашел мужчина в сапогах и военном френче. Положил на стол тонкую пачку денег. - Все, дольше задержаться не могу, буду заезжать, проверять. И если узнаю, что уход за ним плохой был, рассержусь.

- Все сделаем, как надоть, барин, - перекрестился дед. - И не такого выхаживали, он ведь на медведя с кулаками ходил и выдюжил.

- Значит, слаб тот медведь был поперек городского, - военный кивнул и вышел из избы. Зашагал к телеге с запряженной в нее каурой кобылой, бормоча себе под нос: - Кто ж знал, что этот гнида схрон перепрячет. Если и Никифор подохнет, целый год коту под хвост. Надо же, из-за дурака столько хлопот.

Город был заклеен афишами – приезжал сам Никандр Ханаев[б - Ханаев Никандр Сергеевич – советский оперный певец, педагог, народный артист СССР. Лауреат трех Сталинских премий.], солист Большого театра. Артист некоторое время после революции жил в Рогожске и после переезда в Москву город не забывал, появлялся здесь время от времени. В этот раз он грозился дать «Ромео и Джульетту» на сцене синематографа «Колизей».

Травин оперу не любил, равно как и балет – за, как ему казалось, нереалистичность представления. Он считал, что мысли надо выражать кратко и ясно, а не заунывным пением или тем более танцем, да и музыка классических произведений наводила на него тоску. То ли дело синтетический ансамбль Леонида Варпаховского, игравший экзотический по меркам Страны Советов джаз в саду Эрмитаж, было что-то в этой рваной неровной музыке такое, что брало за душу. А вообще он предпочитал кино, пусть даже такое, немое и черно-белое, там и актеры кривлялись забавнее, и сюжеты были куда интереснее.

В коммунхозотделе Травина встретили сдержанно. Само происшествие в городе вызвало большой интерес, но имени Сергея по отношению к нему не упоминали, газетчики все лавры отдали местной милиции, разоблачившей и уничтожившей преступников на месте. Тем не менее Кац, как и многие жители города, был в курсе того, что произошло, сарафанное радио работало куда лучше обычного, так что начальник коммунхоза был в растерянности, он пока не знал, как относиться к Травину – как к будущему жильцу тюремной камеры или как к герою.

– Что следователь? – спросил он только после того, как собственноручно закрыл тяжелую дверь своего кабинета.

– Давил, – не стал скрывать Сергей, – только не вышло у него ничего, даже протокол подписать не дал, значит, просто на понт брал.

– Себе на уме этот Мальцев, – негромко сказал Лев Аверьянович, – как специалисту, говорят, цены ему нет, а как человек – не поймешь, чего ждать от него. Скажу вам между нами, Сергей, как его вижу, тот еще жук.

– Учту, – Травин кивнул. – Только, товарищ Кац, не хочу я посторонних за глаза обсуждать, вы уж простите. Не дело это.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Кнуты – револьверы (здесь и далее воровской жаргон в основном приведен из «Словаря жаргона преступников», сост. С. М. Потапов. М., 1927).

2

Апельсины – гранаты.

3

Статья 136 УК РСФСР (здесь и далее – в редакции 1926 года) – умышленное убийство с отягчающими обстоятельствами. Пункт «в» – способом, опасным для жизни многих людей или особо мучительным для убитого, «г» – с целью облегчить или скрыть другое тяжкое преступление.

4

Статья 139 УК РСФСР – убийство по неосторожности.

5

Отделы коммунального хозяйства относились к ведению исполкомов Советов, но в то же время подчинялись НКВД РСФСР.

6

Ханаев Никандр Сергеевич – советский оперный певец, педагог, народный артист СССР. Лауреат трех Сталинских премий.

Купить: https://tellnovel.com/ru/nikonov_andrey/upravdom

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)